

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns surrounds the text.

Вильям Шекспир

**ВЕНЕЦИАНСКИЙ
КУПЕЦ**

Перевод Юрия Лифшица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ГЕРЦОГ (ГЕРЦОГ).
МАРОККАНСКИЙ ПРИНЦ (МАРОККАНЕЦ) } поклонники
АРАГОНСКИЙ ПРИНЦ (АРАГОНЕЦ) } Порции.
АНТОНИО, венецианский купец.
БАССАНИО, его друг, поклонник Порции.
САЛАНИО }
САЛАРИНО } друзья Антонио и Бассанио.
ГРАЦИАНО }
САЛЕРИО }
ЛОРЕНЦО, возлюбленный Джессики.
ШЕЙЛОК, богатый еврей.
ТУБАЛ, еврей, друг Шейлока.
ЛАНЧЕЛОТ ГОББО (ЛАНЧЕЛОТ), слуга Шейлока.
СТАРЫЙ ГОББО (ГОББО), отец Ланчелота.
ЛЕОНАРДО, слуга Бассанио.
БАЛЬТАЗАР } слуги Порции.
СТЕФАНО }
ПОРЦИЯ, богатая наследница.
НЕРИССА, ее камеристка.
ДЖЕССИКА, дочь Шейлока.
СЛУГА.
ПИСАРЬ.
ВЕЛЬМОЖИ, ПРИДВОРНЫЕ, СУДЕЙСКИЕ, ТЮРЕМЩИК,
СЛУГИ и ДРУГИЕ.

Место действия — Венеция и Бельмонт, поместье Порции.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Венеция. Улица.

Входят АНТОНИО, САЛАРИНО и САЛАНИО.

АНТОНИО. И впрямь не знаю, отчего мне грустно.

Тоской измучил я себя и вас,
Но где я взял ее, как подцепил,
В чем состоит она, чем рождена,
Хотелось бы понять.

Своим безумством я расстроен так,
Что узнавать себя перестаю.

САЛАРИНО. Несется разум ваш по океану,

Там, где армада парусников ваших,
Как судна лордов и негоциантов
Или морских торжественных кортежей,
Летит на тканых крыльях, презирая
Торговцев мелких шхуны, что ее
Приветствуют в почтительных поклонах.

САЛАНИО. Поверьте, сэръ, поставь я все на карту,

То я бы плыл своею лучшей частью
Среди своих надежд; траву пускал бы
На ветер, чтоб узнать, откуда он;
Искал бы в картах бухты, пирсы, рейды;
А все, что предвещало б неудачу
Моим делам, вселяло бы, конечно,
В меня тоску.

САЛАРИНО. Себе я лихорадку

Надул бы вмиг, подув на суп и вспомнив,
Как страшно дышит в море ураган.
Не мог бы видеть я часов песочных,
О мелях не подумав, не представив,

Как мой корабль богатый встал на якорь
В песках и мачты к днищу накренил,
Целуя место гибели своей.
Зайди я в храм, его святые камни
Напомнили бы мне коварство рифов,
Что вспорют хрупкий борт, чуть он их тронь;
Ревущим волнам пряностей подбросят,
В мои шелка закутают пучину, —
Короче, спустят ценный груз дешевле,
Чем за бесценок. Если у меня
Есть мысль об этом, как не будет мысли,
Что загрущу я в случае таком?
Не спорьте, я уверен, что грустит
Антонио из-за своих товаров.

АНТОНИО. Поверьте, я судьбой своей доволен.
Не на один корабль я сделал ставку,
На сделку не одну и не на год
Судьбе свое имущество доверил.
Моей тоски причина не торговля.

САЛАРИНО. Тогда — любовь.

АНТОНИО.

Нисколько!

САЛАРИНО.

Не любовь?

Так вы печальны оттого, что вам
Невесело, но запросто могли бы
Смеяться и подпрыгивать крича:
«Я весел, оттого что беспечален!»
Чудных людей Природа создает,
Клянусь двуликим Янусом! Один
Глаза на все таращит и хохочет,
Как под волюнку попугай; другой же
Зубов не кажет, шутку услышав,
Как будто вышил уксус, хоть клянись
Сам Нестор мудрый, что она смешна.

Входят БАССАНИО, ЛОРЕНЦО и ГРАЦИАНО.

САЛАНИО. Прощайте! Вот Лоренцо с Грациано
И родич ваш, Бассанио достойный.
Они для вас компания лучше.

САЛАРИНО. Я вас развеселил бы, не прерви
Моих речей друзья ценнее нас.

АНТОНИО. Я вас считаю самым ценным другом.
Но, видимо, дела вас ждут, поскольку
Вы пользуетесь случаем уйти.

САЛАРИНО. День добрый, господа!

БАССАНИО. Когда же мы разведемся, синьоры?

От нас вы отстранились. Как же так?

САЛАРИНО. В часы досуга мы вас навестим.

(САЛАРИНО и САЛАНИО уходят.)

ЛОРЕНЦО. Раз вы, милорд Бассанио, нашли

Антонио, прощайте, но прошу

К обеду вспомнить, где нас с вами ждут.

БАССАНИО. Я вас не подведу.

ГРАЦИАНО. Антонио, вы выглядите плохо.

Вы слишком уважаете мирское.

Утратишь то, что суетой купил.

Вы очень изменились, верьте слову.

АНТОНИО. Мир для меня всего лишь мир, подмостки,

Где всем есть роли; мне же навязали —

Печальную.

ГРАЦИАНО. А я б сыграл шута!

И пусть от смеха морщится лицо,

Пусть печень распалится от вина,

А не от вздохов сердце охладится.

Кровь у тебя кипит, а ты сиди,

Как гипсовый старик, спи наяву

И желчью от сварливости набухни?

Антонио, моя любовь к тебе, —

А я тебя люблю, — велит сказать:

Есть сорт людей, чьи лица, словно топи,

Подернутые тиной, — эти люди

Всегда молчат, тем самым о себе

Распространяя мнение, что они

Мудры, важны, уверены в себе,

Как бы твердя: «Я — главный прорицатель;

И пес молчи — когда открою рот!»

Я знаю их, Антонио: они,

Помалкивая, умными слывут,

А речь начнут — и как винить того,

Кто, слыша это, их зовет глупцами?

Продолжу я потом. Но не лови

Ты на приманку грусти эту рыбку —

Невыгодное мнение о себе.

Пойдем, Лоренцо. Эти увещанья

Закончу, пообедав. До свиданья.

ЛОРЕНЦО. Мы до обеда покидаем вас.

Я, видимо, стал умником немым:
Рта не дает раскрыть мне Грациано.
ГРАЦИАНО. Со мною пообщайся пару лет, —
Ты говорить разучишься навеки.
АНТОНИО. А я болтать начну на этот случай.
ГРАЦИАНО. Что ж, немота важна для честных дам
И подобает бычьим языкам.

(ГРАЦИАНО и ЛОРЕНЦО уходят.)

АНТОНИО. И что он тут наплел?
БАССАНИО. Грациано говорит ни о чем и так долго, как никто другой во всей Венеции. А толку от его речей — как от пары пшеничных зерен в двух бушелях плевел. Найти-то найдешь, правда, неизвестно зачем, но понимаешь это только после целого дня поисков.

АНТОНИО. Итак, вы поклялись какой-то леди
Приехать тайно к ней, как пилигрим?
Рассказывайте, вы мне обещали.

БАССАНИО. Известно вам, Антонио, насколько
Я состоянье расточил свое,
Проделав шлюзы в нем гораздо шире
Ничтожных струй дохода моего.
Не плачу я о сокращенье трат
На роскошь, — весь я в хлопотах о честной
Уплате многочисленных долгов,
Какими я обязан мотовству.
А вам, Антонио, я задолжал
Всех больше — и деньгами, и любовью.
И мне она порукой, что могу
Я сбросить груз намерений моих
По части очищенья от долгов.

АНТОНИО. Все, милый мой Бассанио, скажите.
И если план ваш можно, как и вас,
Окинуть взором чести, верьте мне:
Я сам, мой кошелек и все мое
Открыты всяким вашим начинаньям.

БАССАНИО. В далеком детстве, потеряв стрелу,
Я, чтоб ее найти, пускал, рискуя,
Такую же и в том же направленье,
Но тщательней за ней следил и обе
Порою находил. И план мой чист,
Как детство — подтвержденье слов моих.
Пред вами я в долгу и ваши ссуды

Я, как юнец безумный, промотал,
Но если вы второй стрелой рискнете,
Пустив ее за первой в ту же цель,
Я буду наблюдать и, без сомненья,
Вам или две стрелы, или вторую
Смогу вернуть, за первую стрелу
Оставшись благодарным должником.

АНТОНИО. Я перед вами — не теряйте время
На то, чтобы намеками овеять
Мою любовь. Поверьте, сомневаясь
Во мне, в моей привязанности к вам,
Меня вы оскорбляете сильнее,
Чем если б по миру меня пустили.
Скажите мне, что на уме у вас
И что я мог бы, что я должен сделать —
Все сделаю мгновенно. Говорите.

БАССАНИО. В Бельмонте леди есть. Она богата,
Красива, но красивей, чем она,
Чудесные достоинства ее.
Мне взор ее частенько вести слал.
Как дочь Катона и супругу Брута,
Ее зовут — и Порция моя
Не хуже древней. Мир не пропустил
Такую ценность: с четырех сторон
К ней ветры гонят славных женихов.
Так ниспадают солнечные кудри
С ее висков, что множество Язонов
Спешат за этим золотым руном
В Бельмонт, Колхидой ставшей в одночасье.
Антонио, будь средства у меня
Войти в число соперников моих, —
Я остро ощущаю всей душой,
Что мне, бесспорно, быть в числе счастливых.

АНТОНИО. Ты знаешь сам, ищу я счастье в море.
Нет ни товара под рукой, ни денег,
Чтобы ссудить тебе. Ты разузнай,
Дадут ли мне кредит венецианцы.
Весь истощу его я, чтоб ты мог
Отплыть к прекрасной Порции в Бельмонт.
Ищи же деньги, поищу и я.
И кто-нибудь, конечно, одолжит
Мне их по дружбе или же в кредит.

(Уходят.)

Сцена вторая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят ПОРЦИЯ и НЕРИССА.

ПОРЦИЯ. Честное слово, Нерисса, моему маленькому телу не под силу этот огромный мир.

НЕРИССА. Будь оно так, прелестная госпожа, вы были бы столь же богаты невзгодами, как теперь милостями судьбы. Но, сдается мне, кое-кого обжорство ведет к болезни так же, как всех остальных смертельный голод. Поэтому счастье находится не в чем ином, как в середине золотой середины. Избыточность быстро обрастает сединой, тогда как умеренность ходит в долгожителях.

ПОРЦИЯ. Правильные мысли в неплохом изложении.

НЕРИССА. Было бы неплохо следовать этим правилам.

ПОРЦИЯ. Если бы это было так же просто, как верить в их правильность, то сельские часовни превратились бы в соборы, а хижины поденщиков — в хоромы принцев. Велик богослов, чьи поступки не расходятся с его же доктринами. Мне проще научить двадцать человек, как им следует себя вести, чем следовать собственным поучениям, будучи одной из этой двадцатки. Разум сочиняет законы для охлаждения страстей, но пылкий нрав минует барьеры холодных предписаний, ибо юность скачет сумасшедшим зайцем, избегая сетей хромоногого здравомыслия. Но даже с помощью этих разглагольствований мне нипочем не выбрать себе мужа. Что толковать о «выборе», если я не могу ни взять в мужья любимого, ни отвергнуть всех прочих! Желание живой дочери опутано пожеланием умершего отца. Это ли не мука, Нерисса, не иметь права ни на выбор мужа, ни на отказ от брака?

НЕРИССА. Ваш батюшка был весьма добродетельным, почти святым, а такой человек на смертном одре порою осеняется благими намерениями. Ему вздумалось устроить лотерею с золотой, серебряной и свинцовой шкатулками, стало быть, тот, кто проберется в его замыслы, подберется и к вам. Вне всякого сомнения, только истинно влюбленному по силам сделать истинный выбор. А вы сами ощущаете хоть какую-то сердечную привязанность к кому-нибудь из высокородных женихов, прибывших по вашей душе?

ПОРЦИЯ. Прошу тебя огласить весь список, и пока он будет длиться, я тебе опишу подноготную каждого из них. По моим описаниям ты сама оценишь меру моей привязанности.

НЕРИССА. Во-первых, принц Неаполя.

ПОРЦИЯ. Вот уж действительно — вылитый жеребец. Не говорит ни о чем, кроме своей лошади и, поскольку умеет самолично

ставить ей подковы, считает это главным делом своей жизни. Я даже опасаясь, не сыграла ли его сиятельная матушка в поддавки с каким-нибудь кузнецом.

НЕРИССА. Затем граф, точнее — пфальцграф.

ПОРЦИЯ. Этот смотрит, набычившись, словно собирается сказать: «Не хотите меня, как хотите». Даже на анекдот не улыбнется. Боюсь, в старости он начнет проливать философские слезы, если в молодости проявляет невоспитанность своей угрюмостью. Лучше взять в мужья череп с костями, чем одного из них. Не дай мне, Господи, ни того, ни другого!

НЕРИССА. А как вам показался мосье Ле Бон, французский лорд?

ПОРЦИЯ. Если уж он сотворен Богом — пусть считается человеком. Я знаю, издеваться над ближними грешно, но над ним — сам Бог велел. Его кобыла даст фору лошади Неаполитанца, а угрюмостью он порой затмевает пфальцграфа. У него все, как у людей, и все не по-людски. Дрозд не успеваает свистнуть, как он уже приплясывает. А на дуэль готов вызвать даже собственную тень. Выйти за него, значит, обзавестись двадцатью мужьями. Откажись он от меня, я это переживу, потому что, если он даже сойдет с ума от любви ко мне, я никогда не отвечу ему тем же.

НЕРИССА. А как вы отнесетесь к юному Фолконбриджу, английскому барону?

ПОРЦИЯ. Никак не отнесусь, поскольку мы никак не можем с ним сговориться. В латыни, французском или итальянском он ни бум-бум, по-английски я ни бельмеса — хоть клянись в этом перед судом. Слов нет, он мужчина хоть куда, но куда мне с ним, с бессловесным? А как вычурны его наряды! Я думаю, камзол он привез из Италии, штаны в обтяжку — из Франции, шляпу — из Германии, а правила поведения — со всех концов света.

НЕРИССА. А что вы думаете о шотландском лорде, его соседе?

ПОРЦИЯ. Что он ведет себя кротко, совсем по-соседски: получил от соседа-англичанина по уху и поклялся вернуть затрещину при первой возможности. А француз, похоже, стал поручителем шотландца, в чем и подписался, тоже получив по ушам.

НЕРИССА. А каким вам показался немец, юный племянник герцога Саксонского?

ПОРЦИЯ. Весьма мерзким, когда он трезвеет к утру, и более чем мерзким, когда он надирается перед обедом. Когда он хорош, он немногим хуже человека, когда плох, — немногим лучше животного. Как бы худо мне ни пришлось, я надеюсь ускользнуть от него.

НЕРИССА. Но если он решится поиграть в шкатулки и выигрывает, ваше нежелание выйти за него пойдет вразрез с желанием вашего батюшки.

ПОРЦИЯ. А ты, чтобы отвести эту беду, поставишь на обманную шкатулку большой бокал рейнского, а такое искушение, сиди в ней хоть сам дьявол, заставит немца сделать неправильный выбор. Я решусь на все, лишь бы избавиться от этой пьяной губки.

НЕРИССА. Напрасно, леди, вы опасаетесь этих милордов: по их словам, они решили отказаться от своих домогательств, дабы не раздражать вас, и разъехаться по домам — поскольку нет другого способа завладеть вами, кроме прихоти вашего отца насчет трех шкатулок.

ПОРЦИЯ. Будь я Сивиллой долголетия, все равно останусь Дианой целомудрия, если достанусь кому-нибудь иным манером, чем по желанию моего отца. Но я рада благоразумию этой группы моих поклонников, ибо среди них нет ни одного, кого бы я не любила... за это благоразумное отбытие. Пошли им, Господи, счастливое и долгого пути!

НЕРИССА. А вы не забыли, миледи, одного венецианца, ученого и воина, при жизни вашего батюшки оказавшегося здесь в компании с маркизом Монферратским?

ПОРЦИЯ. Конечно, не забыла. Кажется, его звали Бассанио?

НЕРИССА. Мои глупые глаза видели многих мужчин, но он единственный из всех заслуживает самой прекрасной леди.

ПОРЦИЯ. Я хорошо его помню, и твоя похвала придает ему еще большую ценность — я запомню и это.

Входит СЛУГА.

Что случилось? С чем пожаловал?

СЛУГА. Четыре чужестранца, мадам, желают попрощаться с вами перед отъездом. А посыльный пятого, принца Марокканского, доложил, что его господин пожалует к вам сегодня вечером.

ПОРЦИЯ. Если бы я могла принять пятого так же сердечно, как проводить этих четвертых, то весьма обрадовалась бы этому известию. Будь у Марокканца при его дьявольской внешности ангельская душа, я бы скорее согласилась взять его в духовные отцы, чем в отцы моих детей. Идем, Нерисса. А ты пока ступай, дружок.

Мы не успели проводить гостей, —

Еще один поклонник у дверей.

(Уходят.)

Сцена третья

Венеция. Площадь.

Входят БАССАНИО и ШЕЙЛОК.

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов? Хорошо.

БАССАНИО. Да, сэр, всего на три месяца.

ШЕЙЛОК. Всего-то? Очень хорошо.

БАССАНИО. А моим поручителем, повторяю, будет Антонио.

ШЕЙЛОК. Антонио пойдет в поручители? Еще лучше.

БАССАНИО. Так вы меня выручите? Могу я надеяться на вас? Каким будет ваш ответ?

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов на три месяца под поручительство Антонио...

БАССАНИО. Что же вы мне ответите?

ШЕЙЛОК. Хороший человек, этот Антонио.

БАССАНИО. А разве кто-то думает иначе?

ШЕЙЛОК. О нет, никто, никогда, никоим образом! В моем понимании хороший человек, как я выразился, это человек со средствами. Но состояние этого хорошего человека непрочно. Как я узнал на бирже в Риальто, один свой галеон от отправил в Триполи, другой — в Индию, мало того, — третий у него плывет в Мексику, четвертый — в Англию. Да и прочие его заморские предприятия довольно рискованны. Но ведь корабли — это просто доски, моряки — просто люди, а еще есть крысы, водяные и сухопутные, и бандиты, сухопутные и морские, я имею в виду пиратов, а моря, ветры и скалы — разве они не опасны? И все-таки он человек со средствами. Три тысячи дукатов... Думается мне, его вексель чего-нибудь да стоит.

БАССАНИО. Можете в этом не сомневаться.

ШЕЙЛОК. Я хочу не сомневаться в этом, а чтобы я мог не сомневаться, мне придется составить об этом собственное мнение. А переговорить с Антонио мне можно?

БАССАНИО. Конечно, если вам будет угодно отобедать с нами.

ШЕЙЛОК. Вот как! Чтобы нюхать свинину? Чтобы насыщаться плотью, в которую вселился дьявол, заклыйтый вашим назарейским пророком? Я буду вести с вами торговлю, заключать с вами сделки, беседовать с вами, прогуливаться и прочее, но есть вашу пищу, пить ваше вино, молиться по-вашему я не стану. Вы давно с биржи? Что там на Риальто? Смотрите, к нам кто-то идет.

Входит АНТОНИО.

БАССАНИО. Это как раз синьор Антонио.

ШЕЙЛОК (*в сторону*). Как он похож на мытаря-подлизу!

Он ненавистен мне, христианин,
Еще за то, что, словно простачок,
Ссужает деньги ни за что, сбивая
В Венеции нам уровень дохода.
Я мог бы распрю древнюю насытить,
Ему вцепившись в бок. Он ненавидит
Священный наш народ, поносит он,
Особенно в компании купцов,
Меня, мою торговлю, мой барыш
Законный, — по его словам, корыстный.
Будь проклят род наш, если я прощу
Ему все это!

БАССАНИО. Вы молчите, Шейлок?

ШЕЙЛОК. В уме прикинул я свою наличность,
И если память мне не изменяет,
Так много вдруг, три тысячи дукатов,
Я не смогу найти. И что с того?
Мой родственник Тубал, еще один
Еврей богатый, выручит меня.
Ах да! Какой вы мне назвали срок?

(К АНТОНИО.)

Здоровья вам, добрейший мой синьор!
Сейчас мы вашу милость поминали.

АНТОНИО. Я, Шейлок, под проценты не беру
И не даю, но правилам своим
Намерен изменить, чтобы покрыть
Издержки друга.

(К БАССАНИО.)

Вы с ним говорили,
Какая сумма надобна?

ШЕЙЛОК. Что да, то да. Три тысячи дукатов.

АНТОНИО. На срок — три месяца.

ШЕЙЛОК Чуть не забыл!

Три месяца — всего, вы говорили.
Под вексель ваш. Но вот что. Вы как будто
Сказали, что корысти ради ссуд
И не даете вы, и не берете?

АНТОНИО. Не в этом мой доход.

ШЕЙЛОК.

Когда Иаков

Был у Лавана, дяди своего,
За пастуха, — святому Аврааму
Иаков волей матушки своей
Премудрой стал преемником вторым...
Ну да, вторым...

АНТОНИО.

И что? Он брал проценты?

ШЕЙЛОК. Нет, не проценты. В вашем смысле слова

Процентов он не брал. Он сделал так:
Условился с Лаваном, что возьмет
Себе барашков пестрых за работу,
И осенью, когда бараны к овцам
Прильнули, и в трудах воспроизводства
Стал спариваться шерстяной народ, —
Кору с ветвей содрал пастух искусный
И перед каждой самкой их воткнул.
От этого — Иакову в награду —
Приплодом пестрым овцы разрешились.
Так он открыл священный путь к богатству.
Богатство свято — если ты не крал.

АНТОНИО. Рискнул Иаков, но ведь он трудился.

Он не своею властью все устроил,
Но силою небесного перста.
Вы этой речью славили проценты?
Иль серебро и золото для вас
Что овцы да бараны?

ШЕЙЛОК.

Я не знаю.

У нас плодится все. Но вы, синьор...

АНТОНИО. Бассанио, заметь: порою дьявол

Из выгоды и Библию толкует.
Порочный дух с цитатами святыми
На подлеца веселого похож
Или на спелый, но подгнивший плод.
Как ты прекрасна, внешность вероломства!

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов. Это много.

Три месяца. И плюс процент... Прикинем...

АНТОНИО. Вы денег нам дадите или нет?

ШЕЙЛОК. Меня, синьор Антонио, вы часто

И сделками, и деньгами моими
В Риальто попрекали. Я в ответ
Плечами лишь смиренно пожимал:
Терпенье — символ нашего народа.
Для вас я — пес цепной и еретик,
Заплеван вами мой кафтан «жидовский» —

За то, что я по-своему живу.
Отлично! Но, выходит, оказался
И я неплох. Идете вы ко мне
И говорите: «Шейлок, дайте денег!»
И это вы, рыгавший много раз
На бороду мою и отгонявший
Меня, как пса бродячего, пинками
От дома своего? И что я должен
Ответить вам на просьбу о деньгах?
Сказать: «Как может пес давать займы?
Где взять ему три тысячи дукатов?»
А может, мне поклон отвесить рабский
И, чуть дыша, униженно шепнуть:
«Мой добрый сэр, меня вы в эту среду
Назвали псом, днем позже оплевали
И выгнали пинком, вы так учтивы,
Не дать ли вам за это денег в долг?»

АНТОНИО. Мне и сейчас хотелось бы тебя
Назвать собакой, пнуть и оплевать.
Даешь займы — давай! Не как друзьям —
Какая ж это дружба, если другу
Сдавать металл бесплодный на племя? —
Дай ссуду мне как своему врагу,
Чтоб если разорюсь я, с чистым сердцем
Взять неустойку.

ШЕЙЛОК. Вот разбушевались!
А я хотел по дружбе, по любви
Забить позор от ваших оскорблений
И дать вам в долг и за свои же деньги
Не взять нисколько. Вы же не хотите
И слышать о любезном предложенье.

БАССАНИО. Да, вы любезны.

ШЕЙЛОК. И не на словах!
Давайте у нотариуса вы
Подпишете мне вексель — смеху ради, —
Мол, если там-то и в такой-то день
Вы не вернете мне такой-то суммы,
Отмеченной в бумаге, я возьму
Фунт вашей чистой плоти в виде пени,
Кусок отрезав там, где укажу.

АНТОНИО. Вот это да! Я подпишу вам вексель
И всем скажу, что жид — сама любезность.

БАССАНИО. Пойду с сумой, но вам я не позволю
Из-за меня тот вексель подписать.

АНТОНИО. Не бойся, друг, что я не расплачусь.

Я через пару месяцев — за месяц
До платежа по векселю — жду сумму,
Что больше долга чуть не в девять раз.

ШЕЙЛОК. Вот, отче Авраам, и христиане!

Вас учит ваша жесткость деловая
Подозревать в жестокости и нас.
Скажите мне: сорви он срок уплаты,
На что мне человечины кусок?
Говядина, баранина, конина
И то ценней. А в этой неустойке
Что за барыш мне — ни продать, ни съесть!
Хочу купить его расположенье
Своею дружбой. Если он желает —
Прошу принять, а если нет — адью.
Но злом не отвечайте на любовь.

АНТОНИО. Да, Шейлок, подпишу я вексель твой.

ШЕЙЛОК. Нотариусу дайте указанье
Для смеху сочинить бумагу эту,
А я приду с дукатами к нему.
Взгляну на дом, который под надзором
Отпетого мошенника — слуги,
И — к вам.

АНТОНИО. Поторопись-ка, милый жид!

(ШЕЙЛОК уходит.)

Христианином станет наш еврей.

БАССАНИО. Душа черна, а на устах елей.

АНТОНИО. Пойдем. Все хорошо. Боишься зря ты:

Суда придут за месяц до уплаты.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Трубы. Входят МАРОККАНЕЦ *со свитой,*
ПОРЦИЯ, НЕРИССА *и* СЛУГИ.

МАРОККАНЕЦ. Пусть облик мой тебя не отвратит:
Нарядом черным я обязан солнцу;
Я рядом с ним живу, я им кормлюсь.
Возьми красавца северных земель,
Где скудный Феб не страшен и снежинкам, —
Чья кровь краснее будет, если мы
Друг друга раним в битве за тебя?
Поверьте, леди, внешностью своей
И воинов я в бегство обращал,
И покорял девиц своей страны.
Я побелел бы, если бы завладел
Твоей любовью, милая принцесса.

ПОРЦИЯ. Мой выбор повинуется не только
Любезному приказу глаз девичьих;
Да и судьба мне, словно лотерея,
На вольный выбор права не дает.
Когда б не ограничил, не сковал
Меня отец решеньем, что женой
Иначе стать могу я, чем сказала,
Мои бы чувства оценили вас,
Как прочих посетителей моих.

МАРОККАНЕЦ. Спасибо и на этом. Проводите
Меня к шкатулкам — попытаю счастья. —
Клянусь тобой, мой ятаган, принесший
И Сефевиду смерть, и принцу персов,
Что трижды Сулеймана побеждал, —
Я взор суровый взором отведу,
Любое сердце доблестью осилю,
Детенышей, медведицу сосущих,
Я вырву у нее и даже льва,
Идущего за жертвой, раздражню,
Чтоб завладеть тобою. Но увы!
Заспорь Лихас и Геркулес, что тот
Из них славней, кто выиграет в кости,
И стань удачным слабого бросок, —

Слуга одержит верх, а не Алкид.
И я, слепой Фортуной увлечен,
Умру от горя, если недостойный
То выиграет, что утрачу я.

ПОРЦИЯ. Должны вы отказаться или выбрать,
Поклявшись мне, что в случае ошибки
Вы ни с одною леди никогда
Речей о браке впредь не заведете.
Советую подумать.

МАРОККАНЕЦ. Будь что будет!
Но я свой шанс использую. Идемте.

ПОРЦИЯ. Сперва пойдемте в храм. Потом — обед.
А там уже рискнете.

МАРОККАНЕЦ. Хорошо.
Что мне сулит благой судьбы решение:
Проклятье или же благословенье?

(Трубы. Все уходит.)

Сцена вторая

Венеция. Улица.

Входит ЛАНЧЕЛОТ.

ЛАНЧЕЛОТ. Интересно, даст ли мне моя совесть сбежать от моего хозяина-жида? Черт, он тут как тут, вводит меня во искушение, подзуживает: «Эй, Гоббо, Ланчелот Гоббо, милый Ланчелот»; или так: «Премилый Гоббо»; или саяк: «Милейший Ланчелот Гоббо, бери ноги в руки, рви когти, дай деру». А моя совесть возражает: «Нет, погоди, честный Ланчелот; постой, пречестный Гоббо»; или под стать вышесказанному: «Честнейший Ланчелот Гоббо, не смей бежать, не вздумай смазать себе пятки». Чертяка хорохорится, велит собирать манатки: «Скорей!» — подгоняет нечистый; «Прочь!» — подстегивает лукавый; «Заклинаю небесами, — умоляет окаянный, — напряги свои расчудесные мозги и вали отсюда!» А что совесть? Бросается моей душе на грудь и вполне разумно урезонивает меня: «Дружище Ланчелот, ты ведь честный человек, и отец с матерью у тебя честные люди...». Но, говоря по чести, это правда только насчет моей мамашы, а вот

честность папаша с некоторым, я бы сказал, душком, чуточку не такая, какая нужно. «Стой!» — приказывает совесть. «Не стой!» — подталкивает черт. «Нет, стой!» — не унимается совесть. «Хорошо вам советовать, — говорю я, — и тебе, совесть, и тебе, черт». Поступить по совести, значит, по-прежнему служить хозяину-жиду, который сам — Господи прости! — смахивает на черта. А бросить его к чертям, значит, поддаться искушению и тем самым угодить — спаси и сохрани! — в лапы самого черта. Несомненно, жид — это воплощенный черт, и, по совести говоря, у меня не совесть, а черт знает что такое, если по ее указке я должен якшаться с жидом. Враг рода человеческого подает мне дружеский совет. Спасибо, черт. Я передам свои ноги в твои руки: сбегу к чертовой матери!

Входит ГОББО.

ГОББО. Господин юноша, скажите, пожалуйста, как здесь найти господина жида?

ЛАНЧЕЛОТ (*в сторону*). О небеса! Это же мой единоутробный папаша! Сказать, что он плохо видит, нельзя, поскольку он вообще ничего не видит. Если я его слегка разыграю, он меня и не узнает.

ГОББО. Господин юный джентльмен, скажите, будьте добры, как здесь найти господина жида?

ЛАНЧЕЛОТ. Будет поворот, сверните направо; будет разворот, сверните налево; а будет доворот, не сворачивая ни вправо, ни влево, развернитесь и упретесь в ворота жида.

ГОББО. Боже правый, вижу, мудрено до него добраться будет. Скажите, не живет ли у него один такой Ланчелот, который живет у него, или не живет?

ЛАНЧЕЛОТ. Вы спрашиваете о молодом господине Ланчелоте? (*В сторону.*) Ну, держись, я сейчас такую воду взбаламучу — из глаз брызнет! — Значит, речь идет о Ланчелоте, молодом господине?

ГОББО. Вовсе не о господине, сэр, а о сыне бедного человека. Отец его, да будет позволено мне это сказать, честный бедняк из бедняков, но благодаря Бога пока еще жив-здоров.

ЛАНЧЕЛОТ. Да не об отце речь, будь он кем угодно, а о молодом господине Ланчелоте.

ГОББО. Раз вы его знаете, то, с вашего позволения, я говорю как раз о Ланчелоте.

ЛАНЧЕЛОТ. Ergo, старик, я прошу тебя, я тебя умоляю: ergo, ты поминаешь господина Ланчелота?

ГОББО. Да, Ланчелота, с позволения вашей милости.

ЛАНЧЕЛОТ. Ergo, господина Ланчелота. Но не поминай этого господина, старик, ибо этот юный джентльмен — согласно жреби-

ям и уделам, а также древним присловьям касательно Парок, трех сестер, и прочих отраслей знания — в самом деле приказал долго жить или, выражаясь простым языком, отправился к праотцам.

ГОББО. Господи помилуй! Сынок был мне настоящей опорой под старость лет, моим подлинным столпом.

ЛАНЧЕЛОТ. Неужто я выгляжу таким же деревянным, как столб, посох или подпора? Неужто ты меня не узнаешь, отец?

ГОББО. Увы мне, я вас не знаю, молодой джентльмен. Вы мне только скажите насчет моего сынка — пошли, Господи, покой его душе! — жив он или помер?

ЛАНЧЕЛОТ. Значит, ты меня не узнаешь, отец?

ГОББО. Увы, сэр, я вас не узнаю, совсем слепой стал.

ЛАНЧЕЛОТ. По правде говоря, будь ты и не совсем слепой, вряд ли ты смог меня признать. Тот отец прозорлив, кто признает свое собственное дитя. Ладно, старик, я все расскажу тебе о твоём сыне. *(Становится на колени.)* Благослови меня, отец. Правда себя окажет, следы убийства не замести, сын может отречься от отца, но истина рано или поздно выйдет наружу.

ГОББО. Встаньте, сэр, пожалуйста. Разве вы мне сын, разве вы мой мальчик Ланчелот?

ЛАНЧЕЛОТ. Довольно дурачиться, пожалуйста, благослови меня. Я Ланчелот, который был твоим мальчиком, остается твоим сыном и вечно будет твоим отпрыском.

ГОББО. Не могу поверить, что вы сынок мой.

ЛАНЧЕЛОТ. Я не знаю, как тебя убедить, но я твой Ланчелот, слуга жиды, и точно знаю, что меня родила твоя жена Марджери.

ГОББО. Ее в самом деле зовут Марджери. Готов поклясться, ты мой сын, ты моя собственная плоть и кровь. Слава и хвала Господу! Ну, у тебя и бородача! Твой подбородок богаче волосами, чем хвост Доббина, моего конька.

ЛАНЧЕЛОТ. Значит, хвост у твоего Доббина растет задом наперед. Помнится, при нашей последней встрече с ним, мое лицо по части волос уступало его хвосту.

ГОББО. Господи, до чего же ты переменялся! Как ты уживаешься со своим хозяином? Я привез ему гостинец. Вы с ним в ладу живете или как?

ЛАНЧЕЛОТ. Ну и ну! Что до меня, то мне будет спокойнее, если я от него сбегу, и я не успокоюсь, пока не отбегу от него на приличное расстояние. Мой хозяин — редкостный жид. Гостинец ему! Подари ему веревку с петлей! От его службы я чуть с голоду не подох. Тебе не отличить моих пальцев от моих же ребер. Я рад, что ты здесь, отец. Давай отдадим твой гостинец господину Бассанио. Уж у него-то, поверишь ли, все в новеньких ливреях цеголяют. Мне теперь или к нему в слуги идти, или бежать Бог

знает куда, только бы подальше. Редкий случай — сама Фортуна ведет его сюда. Надо прибиваться к нему, отец. Быть мне жидом, если я задержусь у жида.

Входят БАССАНИО, ЛЕОНАРДО и ДРУГИЕ СЛУГИ.

БАССАНИО. Делай, что угодно, но только живо: ужин должен быть подан не позднее пяти часов. Снеси эти письма адресатам, позаботься насчет ливрей и попроси Грациано зайти ко мне.

(ОДИН СЛУГА уходит.)

ЛАНЧЕЛОТ. Иди к нему, отец.

ГОББО. Благослови Бог вашу милость!

БАССАНИО. Сердечно благодарю. Тебе что-нибудь нужно?

ГОББО. Это, сэр, мой бедный сын...

ЛАНЧЕЛОТ. Не то, что бедный, сэр, но богатому жиду служит и мечтает, как вам доложит мой отец...

ГОББО. Он, сэр, как бы это сказать, прямо-таки болен службой...

ЛАНЧЕЛОТ. Вот именно, так или иначе, но я служу у жида и хотел бы, как вам доложит мой отец...

ГОББО. Он со своим хозяином, с дозволения вашей милости, жил не совсем по-братски...

ЛАНЧЕЛОТ. Если вкратце, то, по правде говоря, жид изгалялся надо мной, и поэтому, как мой отец, будучи пожилым человеком, очень надеюсь, наконец-то разродится...

ГОББО. Мне бы только блюдо с голубями поднести вашей милости и попросить...

ЛАНЧЕЛОТ. Если еще короче, то мне самому не по себе от моей просьбы, как ваша милость узнает от этого честного старика, который, да будет мне позволено это сказать, несмотря на его старость и бедность, все-таки мой отец...

БАССАНИО. Пусть говорит один. Что вам угодно?

ЛАНЧЕЛОТ. Служить вам, сэр.

ГОББО. Суть в этом деле смысл прошения, сэр.

БАССАНИО. Я знаю, кто ты. Будешь мне служить.

Тебя мне нынче Шейлок, твой хозяин,

Аттестовал, чтобы тебя возвысить.

Но если ты повышен, в толк возьми,

Что, от жида богатого сбегаю,

Ты к джентльмену, но бедному идешь.

ЛАНЧЕЛОТ. Ветхая поговорка насчет милости Божьей и сокровищ ловко разошлась между моим господином Шейлоком и вами, сэр: с вами милость Божья, с ним — сокровища.

БАССАНИО. Речь хороша! Отец и сын, прощайте!
Сперва возьми расчет у господина,
Потом — ко мне.

(СЛУГЕ.)

Получше, чем другим,
Ему найди ливрею. Я проверю.

ЛАНЧЕЛОТ. Пойдем, отец. Это мне-то не найти себе службы?
Это я-то не умею пользоваться языком? (*Смотрит на свою ладонь.*)
Если кто-нибудь в Италии, присягая на Библии, клал на нее ладонь
лучше этой, то он так же удачлив, как и я. Смотри сюда: обычная
линия жизни сулит мне не так уж много жен. Всего пятнадцать —
не о чем и говорить. Одиннадцать вдов плюс девять девиц — левое
дело для одного мужика. Трижды тонуть — не утонуть, рисковать
жизнью на краю перины — и все-таки избежать погибели. Если
Фортуна и впрямь женского полу, то для моего механизма эта
деваха что надо. Пошли, отец. Я рассчитаюсь с жидом — глазом
моргнуть не успеешь. (ЛАНЧЕЛОТ и ГОББО уходят.)

БАССАНИО. Купи, что нужно, милый Леонардо,
Все надлежащим образом устрой
И поспеши назад. Я пир даю
Сегодня самым лучшим из друзей.
Ступай скорей.

ЛЕОНАРДО. Все силы приложу.

Входит ГРАЦИАНО.

ГРАЦИАНО. Где господин твой?

ЛЕОНАРДО. Вот он, сэр, в сторонке.

(*Уходит.*)

ГРАЦИАНО. Бассанио, привет вам!

БАССАНИО. Грациано!

ГРАЦИАНО. Я с просьбой к вам...

БАССАНИО. Считайте, что исполнил.

ГРАЦИАНО. Не откажите взять меня в Бельмонт.

Мне очень нужно...

БАССАНИО. Едем, если так.

Но, Грациано, ты ведь слишком буен,

Несдержан, громогласен. Эти свойства

Счастливо сочетаются в тебе,

И хоть мы здесь греха не видим в них,

Чужому взгляду может показаться
Все это слишком диким. Потрудись
Унять холодной каплей воздержанья
Свой резкий дух. Ведь из-за твоего
Характера дурного и меня
Неправильно поймут, и я лишусь
Своих надежд.

ГРАЦИАНО. Коль скоро откажусь
Я перенять степенные привычки,
Божиться редко, смирно говорить,
Глядеть серьезно, требник класть в карман,
Скрывать под шляпой взор свой на молитве,
Твердить «аминь», вздохать и соблюдать
Весь ритуал приличий, как наследник,
Обученный печали показной
Для улаженья бабушки, — то можешь,
Бассанио, не верить мне ни в чем.

БАССАНИО. Что ж, там посмотрим.

ГРАЦИАНО. Но в эту ночь осмелюсь прежним быть.
Не обессудьте.

БАССАНИО. Если б изменились,
Я бы жалел. Прошу вас облачиться
В отважное веселье — нынче ночью
Друзья мои намерены развлечься.
Итак, прощайте. У меня дела.

ГРАЦИАНО. А мы с Лоренцо наших обойдем
И всей гурьбой к вам явимся на ужин.

(Уходят.)

Сцена третья

Там же. Комната в доме Шейлока.

Входят ДЖЕССИКА и ЛАНЧЕЛОТ.

ДЖЕССИКА. Мне жаль, что ты уходишь от отца.
У нас в аду ты дьяволом веселым
Порой унынья привкус отбивал.
Прощай. Возьми дукат. Хозяин твой

Теперешний сегодня пригласил
Лоренцо в гости. Как его увидишь,
Вручи записку эту незаметно.
Теперь прощай. Не нужно, чтоб отец
Увидел за беседой нас с тобою.

ЛАНЧЕЛОТ. Адью! Слезы предают мой язык. Прекраснейшая из язычниц, милейшая из жидовок! Если один из христиан не разыграет вора и не прикарманит тебя, я буду крайне разочарован. Но адью! Эти дурацкие слезы почти что поглотили мой мужской дух. Адью!

ДЖЕССИКА. Прощай, милый Ланчелот!

(ЛАНЧЕЛОТ уходит.)

Как ни ужасен грех мой, но увы,
Мне стыдно дочкой быть отца такого!
Отнюдь не образ жизни, только кровь
Мне от него досталась. О, Лоренцо!
Сдержи обет — и кончена война:
Я — христианка и твоя жена.

(Уходит.)

Сцена четвертая

Там же. Улица.

Входят ГРАЦИАНО, ЛОРЕНЦО, САЛАРИНО и САЛАНИО.

ЛОРЕНЦО. Сходить ко мне, чтобы переодеться
И вновь прийти на ужин, хватит часу.

ГРАЦИАНО. Мы ж не готовы.

САЛАРИНО. Даже не позвали
Факелоносцев.

САЛАНИО. Я б не делал вовсе,

Чем сделал неизящно, — выйдет гнусность.

ЛОРЕНЦО. Сейчас четыре — два часа в запасе.

Входит ЛАНЧЕЛОТ *с письмом.*

Что нового, дружище Ланчелот?

ЛАНЧЕЛОТ. Если вам будет угодно распечатать это, то оно вам, конечно, все выкажет.

ЛОРЕНЦО. Рука известна мне — она прекрасна,

Белей бумаги этого письма,

Исписанной прекрасной той рукою.

ГРАЦИАНО. Уверен я, любовная записка.

ЛАНЧЕЛОТ. Сэр, можно мне уйти?

ЛОРЕНЦО.

Куда теперь?

ЛАНЧЕЛОТ. Звать жида, моего прежнего господина, на ужин к христианину, моему нынешнему господину.

ЛОРЕНЦО. Возьми за труд. А Джессике прелестной

Скажи тайком, что я не подведу.

Ступай, дружок.

(ЛАНЧЕЛОТ уходит.)

Вам надо позаботиться о масках.

С факелоносцем я договорился.

САЛАРИНО. Тогда пора идти.

САЛАНИО.

И мне пора.

ЛОРЕНЦО. У Грациано мы должны сойтись

В назначенное время.

САЛАРИНО.

Хорошо.

(САЛАРИНО и САЛАНИО уходят.)

ГРАЦИАНО. От Джессики прекрасной письмецо?

ЛОРЕНЦО. Я все тебе скажу. Она мне пишет,

Как мне ее похитить у отца,

И что сыскала пажеский наряд,

Каменья драгоценные и деньги.

Коль скоро жид, ее отец, спасется,

То из-за милой дочери своей.

А если зло ей перейдет дорогу,

То лишь по той причине, что она

Произошла от нехристя-жида.

Идем же; по пути прочтешь. Мне станет

Факелоносцем Джессика моя.

(Уходят.)

Сцена пятая

Там же. Перед домом Шейлока.

Входят ШЕЙЛОК и ЛАНЧЕЛОТ.

ШЕЙЛОК. Твой взор — тебе судья: увидишь сам,
В чем Шейлок и Бассанио различны. —
Эй, Джессика! — Теперь, как у меня,
Тебе не жрать. — Эй, Джессика! — Теперь
Не дрыхнуть днем, одежды не трепать. —
Эй, Джессика!

ЛАНЧЕЛОТ. Эй, Джессика!

ШЕЙЛОК. А ты

Зачем зовешь? Я разве приказал?

ЛАНЧЕЛОТ. Вы вечно упрекали меня, ваша милость, что я
без приказа и шагу не ступлю.

Входит ДЖЕССИКА.

ДЖЕССИКА. Меня позвали вы? Что вам угодно?

ШЕЙЛОК. Я, Джессика, на ужин приглашен.

Зачем иду? Возьми ключи. Не знаю.

Из выгоды зовут, а не по дружбе.

Иду злорадства ради объедасть

Христианина-мота. Последи

За домом, дочка. Вот бы не пойти...

Какое-то несчастье мне грозит:

Не зря всю ночь мешки с деньгами снились.

ЛАНЧЕЛОТ. Умоляю вас пойти, сэръ. Мой молодой хозяин надеется, что вы осчастливите его своим отсутствием.

ШЕЙЛОК. Как и он меня — своим.

ЛАНЧЕЛОТ. Там они чего-то замышляют тайком, не скажу, что маски, но если все-таки маски, то недаром же у меня в шесть утра на чистый понедельник кровь носом шла, хотя в последний раз со мной то же самое стряслось аж четыре года назад днем покаянной среды.

ШЕЙЛОК. Как это — маски? Джессика, послушай:

Запри весь дом. При барабанном бое

И подлом визге дудок кривошеих

Закрой все ставни, в окна не глазей

На крашенные рожи христиан,

Тупых шутов. Заткни все уши дома —

Я говорю об окнах, — чтобы шум

Пустейшего фиглярства не ворвался

В мой дом солидный. Как я не хочу, —
В чем посохом Иакова клянусь! —
Идти на этот пир. Но я пойду. —
Ступай предупредить их, что я буду.
ЛАНЧЕЛОТ. Сэр, я уже иду.

(Тихо, ДЖЕССИКЕ.)

А вам совет:
В окошко все же глянуть, госпожа.
Жди христианина скоро,
Стоит он жидовки взора.

(Уходит.)

ШЕЙЛОК. Что этот глупый выродок Агари
Тебе сказал?

ДЖЕССИКА. «Прощайте, госпожа».

ШЕЙЛОК. Добряк он, но прозорлив; на работу
Улиткой полз и дрыхнул день-деньской,
Как дикий кот. К чему мне в улье трутень?
Его я отпустил, чтоб он помог
Тому, кем нанят, взятое займы
Пустить на ветер. Джессика, ступай.
Быть может, я немедленно вернусь.
Запри за мной и делай, что велел.
Дверь на засов — целей улов, —
Нет лучше слов для опытных умов.

(Уходит.)

ДЖЕССИКА. Прощай. И если мне дано судьбой,
С отцом расстанусь я, а он — со мной.

(Уходит.)

Сцена шестая

Там же

Входят ГРАЦИАНО и САЛАРИНО в масках.

ГРАЦИАНО. Здесь, под навесом, ждать велел Лоренцо.

САЛАРИНО. Урочный час проходит.

ГРАЦИАНО. Очень странно,

Что не пришел он вовремя. Часы

Обычно от влюбленных отстают.

САЛАРИНО. Быстрее раз в десять голубки Венеры

Союз венчают новый, чем спешат

Со старыми долгами расплатиться.

ГРАЦИАНО. Ты прав. Кто после пира ощущает

Такой же аппетит, как до него?

Где конь, что, возвращаясь, скучный путь

Проскачет с тем же пылом неослабным,

С каким бежал сначала? С большей страстью

Мы жаждем вещи, чем владеем ею.

На юного повесу так похож

Корабль во флагах, что попал в объятия

Гулящих ветров, порт родной покинув,

Куда, как блудный сын, придет обратно

С бортами в дырах, рваными снастями,

Гулящими ветрами разорен.

САЛАРИНО. Потом договорим — идет Лоренцо.

Входит ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО. Друзья, терпенье ваше я измучил.

Не я заставил ждать вас, но дела.

Я так же потерплю, надумай вы

Сыграть роль похитителя невесты.

Живет здесь жид, мой тесть. — Эй, кто-нибудь!

*В верхнем окне дома появляется ДЖЕССИКА,
переодетая мальчиком.*

ДЖЕССИКА. Вы кто? Скажите, чтоб я убедилась,

Хотя, клянусь, ваш голос мне знаком.

ЛОРЕНЦО. Твоя любовь, Лоренцо.

ДЖЕССИКА. Лоренцо, да: любовь моя, конечно.

Иль не его люблю я? Кроме вас,
Кто знает, что я вам принадлежу?

ЛОРЕНЦО. Все видно небу и твоим мечтам.

ДЖЕССИКА. Лови ларец. Трудов твоих он стоит.

Я рада, что во тьме вам невдомек,
Как стыдно мне за переодеванье.
Но и любовь слепа, и нам, влюбленным,
Не видно милых глупостей своих,
Не то б залился краской Купидон
От превращенья моего в мальчишку.

ЛОРЕНЦО. Сойди сюда, чтоб факел мой нести.

ДЖЕССИКА. Что? Освещать свои грехи самой?

Они и так видны и даже слишком.
Работа эта на виду, а мне
Уйти бы надо в тень.

ЛОРЕНЦО. Любовь моя,
Прекрасный твой мальчишеский наряд
Тебя укрыл. Идем.
Сыграет скоро в дезертира ночь,
А стол накрыт, Бассанио нас ждет.

ДЖЕССИКА. Позолочусь дукатами побольше
Все выходы запру и к вам сойду.

(Скрывается.)

ГРАЦИАНО. Нет, не еврейка, клобуком клянусь,
Она, но христианка.

ЛОРЕНЦО. Будь я проклят,
Когда всем сердцем не люблю ее.
Я понимаю, как она умна,
Я вижу ясно, как она прекрасна,
И мне верна, как видите, вполне,
И столь же верной, умной и прекрасной
Она вошла мне в душу навсегда.

Входит ДЖЕССИКА.

Ты здесь? — Друзья, идемте. В этот час
На маскараде ожидают нас.

(Уходит вместе с ДЖЕССИКОЙ и САЛАРИНО.)

Входит АНТОНИО.

АНТОНИО. Кто здесь?

ГРАЦИАНО.

Синьор Антонио?

АНТОНИО.

Он самый!

Не стыдно ль, Грациано? Девять било.

Где остальные все? Вас ждут друзья.

Не будет масок. Ветер изменился.

Бассанио, должно быть, на борту.

Раз двадцать я за вами посылал.

ГРАЦИАНО. Иного счастья нет мне! Я не прочь

Уйти под парусами в эту ночь.

(Уходят.)

Сцена седьмая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

*Трубы. Входят ПОРЦИЯ и МАРОККАНЕЦ
в сопровождении своих СВИТ.*

ПОРЦИЯ. Для принца благородного завесу

Отдерните, шкатулки покажите.

Каков ваш выбор?

МАРОККАНЕЦ. На первой, золотой, такая надпись:

«Избрав меня, всем нужное найдешь».

А на второй, серебряной, читаю:

«Избрав меня, получишь по заслугам».

На третьей, из бездушного свинца,

Стоит предупреждение прямое:

«Избрав меня, рискуешь все утратить».

А как узнаю я, что угадал?

ПОРЦИЯ. В одной из трех шкатулок — мой портрет.

Отыщите его — я стану вашей.

МАРОККАНЕЦ. Наставь меня кто-либо из богов!

А там посмотрим. Снова все прочту.

Что говорит свинцовая шкатулка?

«Избрав меня, рискуешь все утратить».

Из-за свинца? Рискнуть? Утратить все?

Грозит шкатулка. Мы идем на риск

В надежде получить хороший куш.

Нет, золотой мечты не брошу в мусор,
Из-за свинца ничем я не рискну.
Что скажет серебра невинный цвет?
«Избрав меня, получишь по заслугам».
Я — по заслугам... Марокканец, стой!
Взвесь на ладони доблести свои.
Я, по своей оценке, заслужил
Немало, но, быть может, ничего,
Чтобы до этой леди дотянуться.
Но опасаться, что моих заслуг
Не хватит, значит, слабость проявив,
Расправиться с собой. Мои заслуги!
Но что до этой леди — то своим
Рождением, богатством, воспитаньем,
Изяществом, а главное — любовью
Я заслужил ее. А может, хватит
Мне рассуждать и выбрать серебро?
Взгляну на гравировку золотую:
«Избрав меня, всем нужное найдешь».
Здесь речь о леди, всем она нужна.
Со всех сторон спешат сюда припасть
К святыне этой, к образу живому.
Дорогу по пустыням Аравийским
И по степям Гирканским проторили
Монархи ради Порции прекрасной.
И водный мир, что пеною морскою
С надменностью в лицо небес плюет,
Остановить не в силах иностранцев,
Готовых ради Порции прекрасной
И море, как ручей, перешагнуть.
В одной из трех — ее небесный лик.
В свинцовой? Святотатственная мысль!
Ужасно было бы схоронить ее
В свинцовом мраке. Или в серебро,
Что уступает золоту раз в десять,
Вмурована она? Грешно так думать:
Ценнее золота оправы нет
Для жемчуга такого. Выбит ангел
На золотой монете англичан.
Но там снаружи он, а здесь внутри
Покоится на ложе золотом.
Я сделал выбор свой. Подайте ключ.
Увидят все, насколько я везуч.

ПОРЦИЯ. Извольте, принц. И если там портрет,
Я буду вашей.

МАРОККАНЕЦ (*отпирая шкатулку*). Силы ада! Что тут?
Ужасный череп, и засунут свиток
В его пустую впадину. Прочту...

(*Читает.*)

«И не от золотых монет
Блеск идет, в том спору нет.
А за мой блестящий цвет
Душу продает весь свет.
Гроб золотой — червям обед.
Ты отважен и не сед,
Будь ты разумом согрет,
Был иным бы твой ответ.
Холод нынче твой сосед».

Мой труд напрасен — я замерз.
Прощай, тепло; привет, мороз!

(ПОРЦИИ.)

И ты прощай. В душе моей тоска.
Уйти с печалью — участь простака.

(*Уходит со СВИТОЙ.*)

ПОРЦИЯ. Завесу опустить. Хорош исход.
Таких, как принц, пусть тот же выбор ждет.

(*Уходит.*)

Сцена восьмая

Венеция. Улица.

Входят САЛАРИНО и САЛАНИО.

САЛАРИНО. Да нет же, сам я видел, как отплыли
В Бельмонт Бассанио и Грациано.

Но знаю, что Лоренцо с ними нет.

САЛАНИО. От воплей подлого жида проснувшись,
На обыск судна герцог с ним пошел.

САЛАРИНО. Напрасно. В море был уже корабль.
Но герцогу сказали, что Лоренцо
С возлюбленную Джессикой в гондоле
Куда-то плыл. Антонио вдобавок
Заверил герцога, что беглецов
Нет у Бассанио на корабле.

САЛАНИО. Таких страстей, как у жида-собаки,
Тяжелых, смутных, странных и нелепых,
Я не видал. Кричал он: «Дочь моя!
Дукаты! Дочь! Сбежать с христианином!
Дукаты христианские украсть!
Закон! Судья! Мои дукаты! Дочь!
Мешок дукатов! Нет, двойных дукатов!
Нет, два мешка украла дочь! И камни!
Два бриллианта! Нету им цены!
Украла дочь! Судья! Ищите девку!
А с нею — бриллианты и дукаты!»

САЛАРИНО. За ним венецианские мальчишки
Бежали с криком: «Дочь! Дукаты! Камни!»

САЛАНИО. Поплатится Антонио, коль скоро
Просрочит долг.

САЛАРИНО. Спасибо, что напомнил.
Один француз сказал мне, что вчера
В проливе утонул англо-французском
Наш галеон, что вез богатый груз.
Я тотчас об Антонио подумал,
Чтоб это было судно не его.

САЛАНИО. Сказал бы ты Антонио об этом.
Но осторожно, чтоб не огорчить.

САЛАРИНО. Его добрей нет никого. Я видел,
Как он пришел с Бассанио проститься.
Тот говорит: «Я вскорости вернусь».
Антонио в ответ: «Из-за меня,

Бассанио, не стоит портить дела.
Пускай оно ко времени поспеет.
Мысль о жиде и векселе моем
В своей душе влюбленной не храни.
Будь весел, ум настрой на сватовство
И на прекрасных выраженьях чувства,
Какие подходящими сочтешь».
И отвернув лицо, утер слезу,
И подал руку, и рукопожатьем
Чудесную привязанность скрепил.
Вот как они с Бассанио расстались.
САЛАНИО. Из-за него Антонио, считаю,
И ценит жизнь. Прошу, пойдём к нему
И чем-нибудь приятным оживим
Тоску, которой он объят.
САЛАРИНО. Пойдём.

(Уходят.)

Сцена девятая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входит НЕРИССА в сопровождении СЛУГИ.

НЕРИССА. Скорей, прошу, завесу отодвинь.
Дал клятву Арагонский принц и тотчас
Пошел сюда, чтоб выбор совершить.

*Трубы. Входят ПОРЦИЯ и АРАГОНЕЦ
в сопровождении своих СВИТ.*

ПОРЦИЯ. Вот и шкатулки, благородный принц.
Найдете ту, где мой портрет, и тотчас
Отметим это свадебным обрядом.
А в случае ошибки, слов не тратя,
Вы сразу нас покинете, милорд.
АРАГОНЕЦ. Я дал тройной обет: молчать, во-первых,
Какую я шкатулку изберу;
При неудаче холостым остаться;

И в третьих, если помешает мне
Найти решенье верное Фортуна,
Немедленно уехать.

ПОРЦИЯ.

Кто рискнуть

Осмелился из-за меня, ничтожной,
Условия эти выполнить клянется.

АРАГОНЕЦ. Я из таких. Фортуна, улыбнись

Надеждам сердца. Золото, свинец
И серебро... Что на свинце презренном?
«Избрав меня, рискуешь все утратить».
Я бы рискнул, будь это чуть поярче.

Что на шкатулке золотой? Посмотрим.
«Избрав меня, всем нужное найдешь».
Всем нужное! «Все» могут быть толпой,
Что видимостью тупо занята

И верит, не вникая в суть вещей,
Лишь глупым взорам, — словно стриж, который
Свое гнездо, хоть это и опасно,
Под крышей дома строит, на ветру.

Я не хочу того, что нужно всем,
Не стану в ряд с обычными людьми
И не сойду с толпою дикарей.

А ты, хранилище из серебра,
Мне снова надпись покажи свою.
«Избрав меня, получишь по заслугам».

Как это верно! Кто пойдет на то,
Чтоб обмануть судьбу и быть в чести
Не по заслугам? Ни один не должен
Быть недостойным титулов своих.

О, если б не позором покупались
И сан, и чин, и деньги, а по чести
Их добывал носитель всех достоинств,
То сколько бы оделось наготы

И скольким слугам господу служили б,
И сколько б низких душ от зерен чести
Отшелушилось, сколько б вышло славы
Из-под обломков и трухи времен

И в новом глянце! — Но пора и выбрать.
«Избрав меня, получишь по заслугам».

Беру, что заслужил. Подайте ключ.
Я свой удел немедля отопру.

(Отпирает серебряную шкатулку.)

ПОРЦИЯ (*в сторону*). Так долго ждать, чтоб увидеть такое...

АРАГОНЕЦ. Что здесь? Портрет, с которого дурак

Подмигивает мне. А вот записка.

Как ты, портрет, от Порции далек

И от моих заслуг, и от надежд!

«Избрав меня, получишь по заслугам».

Я рожу идиота заслужил?

Я не достоин лучшего трофея?

ПОРЦИЯ. Винить и осуждать себя не стоит:

Природа этих дел весьма различна.

АРАГОНЕЦ. Что здесь? Прочту.

(Читает.)

«Ум с огнем семь раз подряд

Испытали тот расклад,

Что есть выбор невпопад.

Тень ты ловишь наугад —

Будешь тени счастья рад.

Кто меня глупей стократ,

Серебром, как я, богат.

Если будешь спать с женой,

Быть твоей мне головой.

Уходи же с глаз долой».

Да, чем мой визит длинней,

Тем я делаюсь глупей.

Глупой головой своей

Здесь нашел я пару ей.

Что ж, прощай. Сдержу обет.

Тут мне гневаться не след.

(Уходит со СВИТОЙ.)

ПОРЦИЯ. Мотылек слетел на свет...

Премудрые глупцы! Их выбор в том,

Чтобы утратить разум свой с умом.

НЕРИССА. Коль не судьба, болтают старики,

Жениться и лезть в петлю не с руки.

ПОРЦИЯ. Ступай, Нерисса, занавес задерни.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Миледи, где вы?

сходя с торной тропы серьезного разговора, можно сказать, что это правда и что наш добрый Антонио, то есть честный Антонио... Где бы взять такой эпитет, достойный водить компанию с его именем...

САЛАРИНО. Будет ли этому конец?

САЛАНИО. А в чем дело? Ладно, заканчиваю тем, что Антонио лишился корабля.

САЛАРИНО. Если бы только на этом кончились его лишения!

САЛАНИО. Дай-ка я верну «аминь», пока дьявол не свернул мою молитву — сюда идут его жидовские образ и подобие.

Входит ШЕЙЛОК.

Итак, Шейлок, что нового среди купцов?

ШЕЙЛОК. Никто, как вы, никто лучше вас не знает, что моя дочь скрылась.

САЛАРИНО. Еще бы! Что до меня, то я и портного знал, который ей крылышки скроил.

САЛАНИО. Что до Шейлока, то он и сам знал, что птичка готова стать на крыло. Все они при такой внешности легки на подъем.

ШЕЙЛОК. Чтоб ее подняло да прихлопнуло.

САЛАНИО. Ну да — если ее осудит дьявол.

ШЕЙЛОК. Моя собственная плоть и кровь поднялась.

САЛАНИО. Тыфу на тебя, старый ты хряк! Плоть поднялась — в твой-то годы!

ШЕЙЛОК. Я говорю о дочери, о своей плоти и крови.

САЛАРИНО. Черный янтарь и слоновая кость не так различны, как твоя плоть и ее. А твоя с нею кровь разнятся больше, чем красное вино с рейнвейном. Лучше скажи, слышал ли ты что-нибудь о несчастьях Антонио на море или нет?

ШЕЙЛОК. Вот еще заноза! Какой-то банкрот, какой-то мот, который боится и нос показать на Риальто, какой-то прохвост, — а ведь с каким надменным видом, бывало, вышагивал по аукционному залу, — пусть он заплатит по своему векселю. Он имел обыкновение называть меня лихоимцем — пусть заплатит по своему векселю. Он имел обыкновение ссужать деньги из христианского милосердия — пусть заплатит по своему векселю.

САЛАРИНО. Но даже если он совсем не заплатит, я не верю, чтобы ты стал резать его. На кой тебе человечина?

ШЕЙЛОК. Рыбу ловить. Некому скормить — пойдет на корм моей мести. Он глумился надо мной, нанес мне полумиллионный ущерб, потешался над моими убытками, обсмеивал мою прибыль, хулил мой народ, разваливал мою торговлю, отваживал моих друзей, подзуживал врагов, — а на каком основании? Потому что

я еврей? А что, у «пархатых» глаза не такие? Или у «пейсатых» другие руки, части тела, иное телосложение, особые чувства, привязанности, страсти? Или мы не едим ту же пищу, не увечим себя тем же оружием, не страдаем от тех же недугов, не лечимся теми же снадобьями, не греемся и не мерзнем теми же летом и зимой, как и христиане? Вы хотите резать нас — и чтобы мы не истекали кровью; щекотать нас — и чтобы мы не смеялись; отравлять — и чтобы мы не умирали; уничтожать — и чтобы мы не стали мстить? Если мы с вами так похожи в основном, почему бы нам не походить на вас и в этом? Если жид причинит зло христианину, разве христианин подставляет другую щеку? Он мстит! А если христианин причинит зло жиду, почему бы и жиду не поступить с ним по-христиански? Мы тоже мстим. Вся наша подлость от вас, я поступлю так, как вы научили меня, и твердо намерен превзойти своих учителей.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Господа, мой хозяин Антонио хочет переговорить с вами у себя дома.

САЛАРИНО. Мы сами в поисках его сбились с ног.

Входит ТУБАЛ.

САЛАНИО. Вот еще один из того же помета. А третьего им под стать и не найти, разве что дьявол обратится в жид.

(САЛАНИО, САЛАРИНО и СЛУГА уходят.)

ШЕЙЛОК. Итак, Тубал, что слышно в Генуе? Ты разыскал мою дочь?

ТУБАЛ. Слыхать я о ней слышал и там, и сям, и везде, но найти не нашел.

ШЕЙЛОК. Вот так-так, вот так-так. Значит, пропал бриллиант, который обошелся мне во Франкфурте в две тысячи дукатов. Это какое-то проклятье! Никогда еще такое горе не падало ни на наш народ, ни на мою голову. Две тысячи дукатов — один камень, а еще другие, не менее дорогие драгоценности. Умереть бы ей на моих глазах с теми камнями в ушах! Лежать бы ей у ног моих в гробу вместе с моими камнями! Так-таки никаких следов? Еще бы! А сколько потрачено на поиски! Сплошные расходы, чтоб ей... И кража — расход, и найти украденное — расход. И ни возместить затраты, ни отомстить. Что ни удар судьбы — то по моей спине; что ни вздох — из моей груди; что ни слезы — то мои.

ТУБАЛ. Кое-кого тоже судьба не жалует. Насколько я слышал в Генуе, Антонио...

ШЕЙЛОК. Что, что, что? С ним что-то стряслось, стряслось?

ТУБАЛ. Его галеон разбился у Триполи.

ШЕЙЛОК. Слава Всевышнему! Слава Всевышнему! Это правда? Правда?

ТУБАЛ. Я говорил с матросами, избежавшими гибели при кораблекрушении.

ШЕЙЛОК. Спасибо тебе, дорогой Тубал! Отличные вести. Отличные. Ха-ха! Откуда они? Из Генуи?

ТУБАЛ. Из Генуи, где, как я слышал, ваша дочь за один вечер посадила восемьдесят дукатов.

ШЕЙЛОК. Твои слова — кинжал для меня! Плакало мое золото. Раз — и нет дукатов! Восемидесяти дукатов!

ТУБАЛ. Я приехал в Венецию кое с кем из кредиторов Антонио. Если верить их клятвам, от разорения ему не спастись.

ШЕЙЛОК. Какая радость! Я его замучаю, я его запытаю! Я очень рад.

ТУБАЛ. Я видел у одного из них кольцо, которым ваша дочь расплатилась с ним за обезьянку.

ШЕЙЛОК. Чтоб она провалилась! Ты причиняешь мне боль, Тубал. Это бирюзовое колечко подарила мне моя Лия, когда я за ней ухаживал. Я бы не уступил его и за целое стадо обезьян.

ТУБАЛ. Но Антонио все-таки пришел конец.

ШЕЙЛОК. Да, это хорошо, очень хорошо. Иди, Тубал, найми мне судебного исполнителя на пару недель. Если он просрочит платеж, я вырву у него сердце. Не будь его в Венеции, я бы развернулся. Иди, Тубал, иди, до встречи в синагоге. Иди, дорогой Тубал. В синагоге встретимся, Тубал. (*Уходят.*)

Сцена вторая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят БАССАНИО, ПОРЦИЯ, ГРАЦИАНО,
НЕРИССА и СВИТА.

ПОРЦИЯ. Прошу вас день-другой повременить,
Не рисковать пока. Неверный ход —

И я без вас останусь. Погодите.
Вас удержать советует мне что-то,
Пусть не любовь, но знаете вы сами,
Что ненависть не скажет слов таких.
Прошу, хоть неясна вам речь моя
(Она девицам заменяет мысли),
Побудьте здесь, а через месяц-два
Рискнете выбрать. Я бы угадать
Вам помогла, нарушила бы клятву...
Нет, никогда! Но в случае ошибки
Ваш промах упрекнет меня за мой
Несовершенный грех. Ваш проклят взор,
Чьей магией я надвое разъята:
Вам — часть одна, другая... тоже вам,
Вернее — мне, нет, вам, поскольку — мне...
Итак, все — вам. Дурны те времена,
Что вбили клин меж правом и владельцем.
Я ваша и не ваша. Если что,
Не мне грозите адом, но фортуне.
Я долго говорю, чтоб время длилось
И чтоб затяжкой этой отдалить
Ваш выбор.

БАССАНИО. Нет, позвольте приступить.
Живу я, как под пыткой.

ПОРЦИЯ. Как под пыткой!
За смесь любви с изменой? В чем она?
Бассанио, сознайтесь!

БАССАНИО. Только в том,
Что я внушил себе неверьем гнусным
Страх не достигнуть радостей любви.
Скорее уживутся снег с огнем,
Чем сдружится моя любовь с изменой.

ПОРЦИЯ. Боюсь, что это сказано под пыткой:
От боли говорят и не такое.

БАССАНИО. Велите жить мне — я во всем сознаюсь.

ПОРЦИЯ. Сознайтесь, чтобы жить.

БАССАНИО. И чтоб любить!

Вот высший смысл признанья моего.
Приятна мука, если сам мучитель
Спасает жертву, выход подсказав.
Пора судьбу проверить и шкатулки.

ПОРЦИЯ. Завесу, прочь! — В одной из трех меня
Найдете, если любите. — Нерисса,

Всех уведи. Пусть выбирает он
Под музыку. И если ошибется,
Исчезнет, словно лебедь, вместе с ней,
И влажный гроб, — чтоб уточнить сравненье, —
Ему доставят слез моих ручьи.
А если победит, как ей звучать?
Фанфарами, что подданным велят
Склониться перед новым королем;
Иль свадебным призывом, что с утра
Сны жениха рассеивает сладко.
Ступает он, как юный Геркулес,
Но с большею любовью, чем герой,
Что от морского зверя спас девицу,
Скорбящей Трои дань. Я — словно жертва,
А вы — дардянки, чьи глаза в слезах
Глядят на схватку. Мой Алкид, вперед!
Останься жив. Следить мне за тобой
Страшнее, чем тебе бросаться в бой.

(Музыка. БАССАНИО изучает шкатулки.)

ПЕСНЯ

Где исток любви: в глазах,
В головах или в сердцах?
Чем любовь порождена,
Чем питается она?
Отвечай мне, отвечай!
Рождена она глазами,
Взорами питает пламя
Страсти и в воображенье
Умирает во мгновенье
В той же самой колыбели.
Круг замкнулся: мы у цели:
Динь-динь-дон — пора пришла
Плакать вам, колокола.

ВСЕ. Динь-динь-дон, колокола!

БАССАНИО. Наружности не стоит доверять.

Прикрасы вечно вводят нас в обман.
В суде процесс порой бывает гнусным,
Но опытный и благородный голос
Способен преступленье обелить.
В вопросах веры всяческую ересь

Едва ль не жизнь создавший? На картине
Глаза мигают иль в моих зрачках,
Еще не промигавшихся, подвижны?
А губы разлучил дыханья мед:
Родных сестер — амброзии поток.
А кудри? Автор в роли паука
Сплел золотую сеть для наших душ —
Ловить их, словно мошек паутиной.
И все ж глаза... Кто мог бы, не ослепнув,
Их написать? Один рисуя глаз,
Обоих бы лишился живописец.
Однако сущность похвалы моей
Недооценкой этот образ портит,
Как этот образ хромотой своей
Оригинала сущность искажает.
Вот свиток — резюме моей судьбы.

(Читает.)

«Кто отринет внешний вид,
Верный выбор совершит!
Дар судьбы тебе велит
Не искать иных Армид.
Коль по нраву выбор сей,
То держись судьбы смелей,
К леди обернись своей
И целуй ее скорей!»

Блаженный текст. Позвольте, леди, мне
Приказ исполнить: дать и взять вполне.

(Целует ее.)

Я как борец, что вроде победил
И людям угодил по мере сил,
Но, услышав рукоплесканий шквал,
Смущен душой, глядит с опаской в зал:
Ему ль даны восторгов жемчуга?
И я так. Ты мне трижды дорога,
Но сомневаюсь я в правах своих,
Пока ты мне не подтвердила их.
ПОРЦИЯ. Бассанио, я пред тобой, как есть,
И для себя, для своего тщеславья

Стать лучше не желаю и желать.
Но для тебя я сделалась бы лучше
Не меньше, чем в три раза двадцать раз,
И в десять раз по сто красивей стала б,
И в десять раз по тысяче — богаче.
Чтобы с тобой достойно посчитаться;
Достоинств, красоты, друзей, достатка
Превысить счет. Но сумма сумм моих
Суммарно, оптом состоит лишь в том,
Что я девчонка — без образования,
Без опыта, а счастье в том, что я
Не так стара, чтоб не уметь учиться.
И счастье в том, что рождена не глупой,
Чтобы совсем учиться не хотеть.
А основное счастье в том, что я
Своей слабый дух с твоим соединила,
Мой господин, правитель и король.
Тебе и твоему всему вручаю
Себя и все свое. Я в этом доме
Была хозяйкой, слугам — госпожа,
Себе самой — царица. Но теперь
Владельцем дома, слуг, самой царицы
И этого кольца стал ты, милорд.
Ты ни отдать его, ни проиграть,
Ни потерять не должен, ведь тем самым
Ты напорочишь крах любви своей,
А я тебя изменником сочту.

БАССАНИО. Мадам, я, право, языка лишился.

Лишь крови пульс способен рассказать,
Что силы я утратил от смущенья.
Так принца обожающий народ,
Услышав речь монарха, исторгает
Довольное жужжание и шум;
И каждый что-то говорит свое,
Но речи тонут в общей смеси криков
И радости как явной, так неявной.
Кольцо покинет палец, если жизнь
Меня покинет. Если нет кольца,
Скажи, что нет Бассанио в живых.

НЕРИССА. Узнав о воплощенье всех желаний,
Милорд и леди, мы воскликнуть можем:
Счастливы будьте, леди и милорд!

ГРАЦИАНО. Милорд Бассанио, и вы, миледи,

Желая вам желаний исполнение,
Я верю, вам желанны и мои.
Когда вы сделку по обмену клятв
Однажды совершите, мне в тот час
Позвольте тоже браком сочетаться.

БАССАНИО. Нашел себе невесту? Ради Бога.

ГРАЦИАНО. И не без вашей помощи. Спасибо.

Мои глаза стремительны, как ваши:
Моим — служанка, вашим — госпожа.
Влюбилась вы, я следом полюбил.
Мне, как и вам, не подобало мешкать.
Так выпало, что и моя судьба
В шкатулке вместе с вашей обреталась.
Я весь вспотел, любимой добиваясь,
Потея, в клятвах исходил любовных,
Пока язык мой к небу не присох.
И наконец красотка обещала
(Но есть ли в том обещанный конец?),
Свою любовь, коль скоро вам судьба
Пошлет хозяйку.

ПОРЦИЯ. Это так, Нерисса?

НЕРИССА. Конечно, если будет вам угодно.

БАССАНИО. А вам могу я верить, Грациано?

ГРАЦИАНО. О да, милорд.

БАССАНИО. Приятно будет вместе пировать.

ГРАЦИАНО. Побьемся мы на тысячу дукатов,

Кто первенца заделает скорей.

НЕРИССА. Зачем нам биться?

ГРАЦИАНО. Если не побиться,

Вовек не победим. Кто это там?

Лоренцо и язычница его,

И старый друг Салерио при них.

*Входят ЛОРЕНЦО, ДЖЕССИКА и САЛЕРИО,
прибывший из Венеции.*

БАССАНИО. Рад видеть вас, Салерио, Лоренцо!

Родная, с позволения твоего,

Начну я, привыкая к новой роли,

Сам принимать сограждан и друзей.

Позволишь, Порция?

ПОРЦИЯ. О да, милорд.

Добро пожаловать, друзья.

ЛОРЕНЦО. Спасибо.

Салерио, он, правда, разорен?
Побито все? Суда из Лиссабона,
Из Триполи, британских островов,
Из Индии, Берберии земель
И Мексики избегнуть не смогли
Ударов разрушительных о камни,
Торговлю убивающих?

САЛЕРИО.

Увы.

Но даже если б он имел наличность,
Чтобы унять жида, тот не возьмет.
Ни разу твари, схожей с человеком,
Я не видал, чтоб та столь злоупорно
Стремилась человека извести.
У герцога с утра до ночи жид
Канючит, что, права его нарушив,
Закон свободу граждан подорвет.
Негоцианты крупные, вельможи
Из самых знатных, с герцогом совместно,
Устали урезонивать жида,
Чтоб отозвал он кровожадный иск
По векселю, взысканью, правосудью.

ДЖЕССИКА. Еще при мне сородичи отца
Тубал и Хус клялись, что не возьмет
Двадцатикратной суммы долга он
Взамен куска Антониевой плоти.
Я знаю, если будут равнодушны
Юстиция и власти, и закон,
Антонио, увы, несдобровать.

ПОРЦИЯ. Твой верный друг попал в беду такую?

БАССАНИО. Вернейший друг и лучший из людей,
Достойнейший, неутомимый духом,
Галантнейший, единственный из всех
Живущих ныне итальянцев, в ком
Свежо понятие древнеримской чести.

ПОРЦИЯ. А сколько одолжил он у жида?

БАССАНИО. Три тысячи дукатов.

ПОРЦИЯ.

Что? Всего-то?

Шесть тысяч дай ему, двенадцать тысяч
Иль даже тридцать шесть и уничтожь
Заемное письмо, чтоб не утратил
Из-за тебя твой друг ни волоска.
В Венецию лети, назвав сначала
Меня супругой в церкви. Но не время
Со мной на ложе нежиться, пока

Душой ты там, где друг. Возьмешь раз в двадцать
Ты больше сумму, чем его должок,
И, заплатив, к нам друга привезешь.
А мы с Нериссою — невесты-вдовы —
Вас подождем. Идемте. Примет храм
Венчание с разлукой пополам.
Ты дорогой ценой достался мне,
Поэтому и дорог мне вдвойне.
Зови на пир друзей, будь веселей.
И мне посланье прочитай скорей.

БАССАНИО (*читает*). «Милый Бассанио, мои суда пропали, кредиторы берут за горло, положение хуже некуда. Жид опротестовал вексель, уплатить по нему, значит, умереть, поэтому ты мне ничего не должен, если хотя бы приедешь повидаться напоследок. Но, несмотря ни на что, поступай, как сочтешь нужным. Если наша дружба не заставит тебя приехать, не подчиняйся и письму».

ПОРЦИЯ. Родной, забудь про все и собирайся.

БАССАНИО. Ты разрешила — надо уезжать.

Но при моей отлучке не забудь:
Не сможет задержать меня кровать
И отдых мой не преградит мне путь.

(*Уходят.*)

Сцена третья

Венеция. Улица.

Входят ШЕЙЛОК, САЛАРИНО, АНТОНИО и ТЮРЕМЩИК.

ШЕЙЛОК. Следи за ним, тюремщик. Этот дурень

Одалживает деньги без процентов.

Следи за ним. Ни слова о пощаде!

АНТОНИО. Но, добрый Шейлок...

ШЕЙЛОК.

Нет, верни мне долг.

Молчать перед распиской долговой!

Долг будет возмещен — я клялся в этом.

Я псом был для тебя до этой свары,

А нынче — пес — я зубы покажу.

Законы знает герцог. — Изумлен я

Тобой, глупец, тюремщик никудышный:
Пусть просит — не води его гулять!

АНТОНИО. Пожалуйста, послушай...

ШЕЙЛОК. Долг верни.

Верни мне долг. Нет средств? Тогда молчи.
Не спятил я, не слеп и не расслаблен:
Кивать, вздыхать и уступать не стану,
Чтоб христиан-просителей умаслить.
Ни слова больше. Хватит. Долг верни.

(Уходит.)

САЛАРИНО. Настолько несговорчивых ублюдков
Я в жизни не встречал.

АНТОНИО. Плюнь на него.

Не стану больше тщетно унижаться.
Он жаждет крови, потому что я
Немало неплательщиков его
Спасал от иска, внемля их мольбам.
Вот он и мстит мне.

САЛАРИНО. Не позволит герцог
Дать ход такому делу, я уверен.

АНТОНИО. Не может герцог наш попрасть законы
И с нами чужестранцев уравнивать,
Отняв их льготы, подорвав тем самым
Венеции устои. Все народы,
Торгуя здесь, приносят прибыль нам.
Итак, пойдем. Едва ль во мне наутро
Займодавец кровожадный сыщет
Хоть мяса фунт — настолько я иссох
От горя и утрат. — Идем, тюремщик. —
Дай Бог, чтобы Бассанио увидел,
Как я плачу долги — и будь что будет.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят ПОРЦИЯ, НЕРИССА, ЛОРЕНЦО,
ДЖЕССИКА и БАЛЬТАЗАР.

ЛОРЕНЦО. Не покривлю душой, сказав, что вы
Постигли чувство дружбы богоравной
С умом и благородством, показав,
Как надобно с супругом расставаться.
Но знай, кому вы оказали честь,
Какому джентльмену вы помогли,
Как вашего супруга любит он,
Вы сделанным гордились бы побольше,
Чем ваша добродетель вам велит.

ПОРЦИЯ. Не каялась и прежде, как теперь,
Я в добром деле. Если с другом друг,
Объединившись, время расточают,
Одной душой влачат ярмо любви,
Должны и соответствовать друг другу
Характером, повадками, обличем.
Я думаю, на мужа моего
Антонио, его наперсник милый,
Слегка похож. А это если так,
Мала цена потраченного мною
Для выкупа мне родственной души
Из состоянья адского страданья!
Но самое себя хвалю я вроде.
Достаточно. Давайте сменим тему.
Лоренцо, я бразды правленья домом
И все хозяйство до приезда мужа
Вручаю вам. А я обетом тайным
Себя препоручаю небесам:
Мы станем жить с Нериссою вдвоем
Отсюда милях в двух, в монастыре,
Погружены в молитву и в себя,
Пока не возвратятся из поездки,
Супруги наши, наши господа.
Принять не откажите этот труд,
Возложенный на вас моей любовью
И силой обстоятельств.

ЛОРЕНЦО. Всею душой
Я подчиняюсь вашему решению.

ПОРЦИЯ. Приказано уже моим домашним

Вместо меня с Бассанио считать

Вас с Джессикой своими господами.

Друзья, прощайте, и до скорой встречи.

ЛОРЕНЦО. Счастливых вам часов и добрых дум!

ДЖЕССИКА. Сердечного вам счастья, госпожа.

ПОРЦИЯ. Спасибо, Джессика, за пожеланья

И счастье вам вернуть их. До свиданья.

(ДЖЕССИКА и ЛОРЕНЦО уходят.)

Ну, Бальтазар, ты был слугой отменным,

Таким же будь и впредь. Возьми письмо

И в Падую скорей — к законоведу

Белларио, кузену моему,

Скачи, как только может человек.

Взяв у него одежды и бумаги,

Вези их с максимальной быстротой

На пристань, где паром венецианский,

И там меня ищи. Без лишних слов

Скорее отправляйся.

БАЛЬТАЗАР. Госпожа,

Со всевозможной скоростью исполню.

(Уходит.)

ПОРЦИЯ. Идем, Нерисса. Ты еще не знаешь,

Что я хочу, но прежде чем мужья

Подумают о нас, мы их увидим.

НЕРИССА. А нас — они?

ПОРЦИЯ. Да, но в таком обличье,

Что нам припишут то, чего у нас

Не может быть. Могу держать пари:

Когда мужчинами мы снарядимся,

Я буду выглядеть тебя красивей;

Носить кинжал изящней и смелей;

Изображать ломающийся голос,

Мальчишку отличающий от мужа;

Не семенить по-женски, а шагать;

Твердить о драках, как хвастун-юнец;

И лгать, что сохнут женщины по мне,

А нелюбовь моя их убивает:

«Я ни при чем, но каюсь и жалею,

Что леди умерли из-за меня»;

С три короба еще наговорю,
И все поверят, что я год назад
Закончил классы. Тысячи уловок,
Присущих тем болтливым простачкам,
Я применю.

НЕРИССА. Мужчиными мы станем?
ПОРЦИЯ. Тьфу, пропасть! Толкователям иным
Покажется вопрос твой непристойным.
Пойдем же. Сообщу план действий наш
В подробностях, как сядем в экипаж.
Он наготове. Мешкать не расчет:
Дорога в двадцать миль нас нынче ждет.

(Уходят.)

Сцена пятая

Там же. Сад.

Входят ЛАНЧЕЛОТ и ДЖЕССИКА.

ЛАНЧЕЛОТ. Так оно и есть; поскольку, знаете ли, за отцовские грехи отвечают дети, постольку я, поверьте, пугаюсь за вас. Я всегда был с вами запросто, потому мне и тревожно на сей счет. Итак, спокойно ешьте, пейте и веселитесь, потому что вы все одно прокляты. Одна у вас надежда, но есть ли в ней прок, не знаю, так как она какая-то приبلудная.

ДЖЕССИКА. И что это за надежда, интересно знать?

ЛАНЧЕЛОТ. Куцая надежда на то, что у вас был другой отец, а вы не дочь еврея.

ДЖЕССИКА. Надежда и впрямь приبلудная, ведь тогда с меня спросят за грехи матери.

ЛАНЧЕЛОТ. По правде говоря, пугаюсь я, что и по матушке вас проклянут, и по батюшке. Как ни крутись меж Сциллой вашего папаша и Харибдой вашей мамаша, вам так и так погибать.

ДЖЕССИКА. Я через мужа стала христианкой. Это меня и спасет.

ЛАНЧЕЛОТ. А вот это уже его вина. Нас, крещеных, и без того было как свиней нерезаных: ни больше, ни меньше для всеобщей сытой жизни. А благодаря новым христианам свиноедство воз-

растет, все свиное подорожает, и вскоре даже на ломтик жареного бекона никаких денег не напасешься.

ДЖЕССИКА. Я передам твои прогнозы мужу. Вот, кажется, и он.

Входит ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО. Я скоро начну ревновать к тебе жену, Ланчелот. Все-то она с тобой по углам шастает.

ДЖЕССИКА. Не пугайся, Лоренцо. Я в обиде на Ланчелота. По его категорическим словам, нет мне спасения от небес, а ты скверный член общества, ибо, делая евреев выкрестами, повышаешь цены на свинину.

ЛОРЕНЦО. Я-то перед обществом оправдаюсь, а как ты оправдаешь вздутие животика у одной чернокожей? Мавританка ждет от тебя ребенка, Ланчелот.

ЛАНЧЕЛОТ. Мавританка стала маркитанткой, а я мавром, сделавшим свое дело, только и всего. Теперь она затоварилась, время спустя растоварится, а я останусь ее товарищем.

ЛОРЕНЦО. Игра словами стала доступной даже для дураков! Скоро, по-моему, самым остроумным человеком будет считаться молчун, а самым болтливым станет попугай. Ладно, братец, что там с обедом?

ЛАНЧЕЛОТ. Все в порядке, сэр. Все хотят обедать.

ЛОРЕНЦО. Боже праведный, каков остролов! Вели поварам приниматься застряню.

ЛАНЧЕЛОТ. Все уже состряпано, сэр. Осталось только подать.

ЛОРЕНЦО. Так подавай!

ЛАНЧЕЛОТ. Поддавать в вашем присутствии я не имею права.

ЛОРЕНЦО. Опять нашел случай прицепиться к слову! Неужели ты хочешь разом спустить весь свой мозговой капитал? Говорю тебе по-человечески, и ты будь человеком: вели своим сотоварищам сервировать стол и принести блюда. А мы придем обедать.

ЛАНЧЕЛОТ. Стол принесут, сэр, блюда сервируют, а придете вы или нет, зависит от вашего желания и аппетита. (*Уходит.*)

ЛОРЕНЦО. Сойти с ума — какое словоблудье!

Отряд словес набрал в своих мозгах
Никчемный шут. Есть много и других
Таких же остряков, но сановитых,
Стремящихся опошлить суть вещей.
Как, Джессика, ты чувствуешь себя?
Скажи, как на духу, тебе супруга
Бассанио по нраву?

ДЖЕССИКА. Несказанно!

Милорд Бассанио теперь обязан

Жить не по лжи. Такой женою небо
Его благословило, что в раю
Он должен ощущать себя и здесь,
А если рая здесь не обретет,
То недостоин будет и небес.
Когда б сошлись в игре небесной боги
На лучшую из женщин на земле,
И первый бы на Порцию поставил,
Другому нечем было бы ответить:
В ничтожном нашем мире не найти
Подобной ей.

ЛОРЕНЦО. Тебе достался муж
Такой, как у Бассанио жена.

ДЖЕССИКА. Спросить меня об этом не мешало б.

ЛОРЕНЦО. Сперва б не помешало пообедать.

ДЖЕССИКА. Дай похвалить тебя мне до еды.

ЛОРЕНЦО. Нет, лучше за едой. Средь прочих блюд

Я с аппетитом угощусь твоим.

ДЖЕССИКА. Тебя я лучшим блюдом угощу.

(Уходят.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Венеция. Зал суда.

Входят ГЕРЦОГ, СЕНАТОРЫ, АНТОНИО, БАССАНИО,
ГРАЦИАНО, САЛЕРИО и ДРУГИЕ.

ГЕРЦОГ. Антонио!

АНТОНИО. Я, ваша светлость здесь.

ГЕРЦОГ. Мне очень жаль. Тебя призвал к ответу

Свирепый изверг, каменный злодей,
Безжалостный чурбан, в ком милосердья
Ни грана нет.

АНТОНИО. Милорд, я знаю, вы

Немало потрудились, чтоб смягчить
Его неумолимость. Раз не в силах

Закон с таким сутягой совладать
И отвести злодейство от меня,
На гнев жида отвечу я терпением
И, кротостью вооружен, пойду
На пытки, что палач мне приготовил.

ГЕРЦОГ. Сходите за евреем кто-нибудь.

САЛЕРИО. Он здесь, милорд. Уже заходит в зал.

Входит ШЕЙЛОК.

ГЕРЦОГ. Встань, Шейлок, перед нами. — Расступитесь. —

Считают все, как я, что ты сорвешь
С себя в финале маску преступленья
И удивишь раскаяньем беззлобным,
Как неприкрытым зверством удивлял;
И вряд ли мяса фунт как неустойку
Потребуешь с несчастного купца,
Но щедрым станешь из любви к нему,
Освободишь его от обязательств,
Скостишь полдолга, видя с сожаленьем,
Какою тяжестью недавних бед
Раздавлен он, низвергнутый на дно
Король купцов, чье горести способны
Сочувствие мгновенно возбудить
И в каменных сердцах, и в медных душах,
И даже в грубых турках и татарах,
Не знающих, что нужно доброту
И жалость проявлять в таких делах.
Мы ждем, еврей, достойного ответа.

ШЕЙЛОК. Уже вам доложил я, ваша светлость,
Что клялся я святой субботой нашей
По иску неустойку получить,
А ваш отказ поставит под удар
Гражданские свободы и права.
Спросили вы, зачем я поменял
Три тысячи дукатов на кусок
Отвратной плоти? Не могу сказать.
Я так настроен. Нравится ответ?
Могу ль не пожалеть я десять тысяч
За счастье от зловредной крысы дом
Избавить свой? И это не ответ?
Один свиного рыла не выносит,
Другой звереет от хвостов кошачьих,
А в третьем возникает энурез

Под гнусный вой волынки, — ибо прихоть,
Страстями правя, от любви к вражде
Толкает душу. Вот вам и ответ:
Как нет причин разумных, почему
Того свиная харя раздражает,
Того — безвредный и полезный кот,
Того — волынки вопли, — так, что он,
Впадая в неизбежное бесстыдство,
Бесчестит всех бесчестьем своим,
Так нет причин у проигрышной тяжбы
С Антонио иной, чем злость моя,
И не скажу вам, почему он мне
Настолько ненавистен. Я ответил?

ГРАЦИАНО. Такой ответ, бесчувственный злодей
Не извинит жестокости твоей.

ШЕЙЛОК. Я не обязан нравиться тебе.

ГРАЦИАНО. Кого невзлюбишь, на смерть осуждать?

ШЕЙЛОК. Как ненавидеть, не желая смерти?

ГРАЦИАНО. Возненавидеть за одну обиду?

ШЕЙЛОК. Змее позволить дважды укусить?

АНТОНИО. Пойми, с евреем спорить — это значит:

Стоять на берегу и предлагать
Приливу снизить уровень воды;
У волка вопрошать, зачем овца
Тоскливо блеет в поисках ягненка;
Высокогорным соснам запрещать,
Когда их сотрясают небеса,
Раскачиваться с шумом на ветру.
Взорвать твердыню проще, чем смягчить
Еврейский дух — нет тверже ничего
На этом свете. Так что я молю
Вас больше не просить, не убеждать,
Но ублажить жида и мне вердикт,
Не тратя слов, спокойно объявить.

БАССАНИО. Шесть тысяч предлагаю вместо трех.

ШЕЙЛОК. Когда бы каждый из твоих дукатов
Распался бы на шесть таких же точно,
То взял бы я не их, а неустойку.

ГЕРЦОГ. Ждешь милости, а сам немилосерден.

ШЕЙЛОК. Когда я прав, чего бояться мне?

Допустим, ваших собственных рабов,
Которых, как ослов, собак и мулов,
Вы держите в ничтожном подчиненье,

Раз их купили, — я вам предложу
Освободить, женить на ваших детях?
Зачем несчастных мучить? Может быть,
Им мягко стлать и яствами своими
Их услаждать? Что скажете вы мне?
«Но это ведь рабы». И я скажу вам:
Мне нужен мяса фунт. Его возьму я,
Он куплен мной задорого, он мой.
Не отдадите — тьфу на ваш закон,
На мертвый кодекс ваш венецианский.
Мне нужен суд. Дождусь ли я его?

ГЕРЦОГ. Пока Белларио, ученый доктор,
Которого я вызвал для совета,
Не явится, имею право я
Суд отложить.

САЛЕРИО. Из Падуи, милорд,
Гонец привез от доктора бумаги.

ГЕРЦОГ. Подать бумаги и позвать гонца.

ГРАЦИАНО. Антонио, держись! Мужайся, друг!
Скорей меня со всеми потрохами
Сожрет еврей, чем кровь твою прольет.

АНТОНИО. Как над овцой паршивой, занесен
Нож надо мной. Слетает раньше прочих
На землю плод гнилой — и мне придется.
А ты живи, Бассанио, — хотя бы
Меня надгробной надписью почтишь.

Входит НЕРИССА, одетая писцом.

ГЕРЦОГ. Из Падуи Белларио нам пишет?

НЕРИССА. Да, ваша светлость. Кланяется вам.

(Подает письмо.)

ГРАЦИАНО. Зачем ты так свирепо точишь нож?

ШЕЙЛОК. Отрежу долг у этого банкрота.

ГРАЦИАНО. Ты точишь нож душой, а не подошвой,
Поганый жид. Секиры палача
И лезвия меча острее вдвое
Твоя жестокость. Как тебя молить?

ШЕЙЛОК. Для этого ума тебе не хватит.

ГРАЦИАНО. Гореть тебе в аду, треклятый пес!
Вина Фемиды в том, что ты живешь.

Во мне устои ты поколебал:
Готов я верить в ересь Пифагора,
В то, что животных души переходят
В людскую плоть. Твоим паскудным духом
Владеет волк, удушенный за то,
Что жрал людей, и лютый дух его
Вошел в тебя, лежавшего во чреве
Своей бесчестной матери: ты дышишь
По-волчьи, хищно, алчно, кровожадно.

ШЕЙЛОК. Бранись, кричи — ты этим не сорвешь
Печать с расписки — грудь себе надсадишь.
Мальчишка, подлатай умишко свой,
Иначе спятишь. За меня закон.

ГЕРЦОГ. Белларио нахваливает нам
В письме законоведа молодого.
Где он?

НЕРИССА. Он здесь и ждет, когда
Его принять вы соблаговолите.

ГЕРЦОГ. Со всей душой. Пускай его проводит
С почетом свита. — Ну, а вы меж тем
Суду письмо Белларио прочтите.

НЕРИССА (*читает*). «Ставлю в известность вашу светлость, что я получил ваше приглашение, будучи тяжело больным. Однако приезд вашего гонца совпал с дружеским визитом навещившего меня молодого римского юриста именем Бальтазар. Благодаря мне он вник в причину распри между евреем и негоциантом Антонио. Мы перерыли с ним массу книг. Он принял к сведению мои наставления, каковые, преумножив своими познаниями, глубину которых невозможно переоценить, направляется во исполнение моей настойчивой просьбы к вам вместо меня. Умоляю не считать его не слишком зрелый возраст преградой для надлежащей оценки зрелости его суждений. Мне никогда не доводилось видеть столь юного тела с такими не по-юношески мудрыми мозгами. Поручаю его вашему благорасположению, но грядущее испытание послужит ему наилучшей аттестацией».

ГЕРЦОГ. Вот мнение Белларио. А это
Похоже, доктор наш.

Входит ПОРЦИЯ, одетая доктором прав.

Так это вас

Белларио прислал?

ПОРЦИЯ.

Меня, милорд.

ГЕРЦОГ. Садитесь здесь. Я рад вам. Вашу руку.

Успели ознакомиться вы с делом,

Какое нынче поступило в суд?

ПОРЦИЯ. В процесс успел детально вникнуть я.

Кто здесь купец? А кто еврей?

ГЕРЦОГ.

Приблизьтесь

Ко мне Антонио и старый Шейлок.

ПОРЦИЯ. Вы Шейлок?

ШЕЙЛОК.

Да, я Шейлоком зовусь.

ПОРЦИЯ. По сути странный иск вчинили вы,

Хотя венецианскому закону

Формально не противоречит он.

(К АНТОНИО.)

Вам от него не скрыться.

АНТОНИО.

Он отыщет.

ПОРЦИЯ. Вы долг свой признаете?

АНТОНИО.

Признаю.

ПОРЦИЯ. Тогда жиду быть нужно милосердным.

ШЕЙЛОК. С какой же стати нужно? Подскажите.

ПОРЦИЯ. Родится милосердье не насильем,

Но, словно нежный дождь, нисходит с неба

Двойною благодатью, осеняя

Дарителя и взявшего дары,

Всесилье проявляя во всесильных.

Монарху подобает милосердье

Самой короны пущи; грозный скипетр,

О мимолетной власти говорящий,

Не только знак величья, но и страха

Толпы, трепещущей пред королями.

Но милосердье выше знаков власти:

Оно как символ Господа царит

В сердцах у королей. Земная власть,

Подобна Божьей, если милосердье

Сплетает с правосудьем. Хоть оно

На стороне твоей, подумай, жид,

Что суд немилосердный осудил бы

Всех нас. Мы молим Бога, но молитва —

Урок нам, чтобы в милосердье быть

Похожим на Него. Сказал я это,

Что б ты, смягчившись, требованья снизил,

Не то купца по иску твоему
 Приговорит венецианский суд.
ШЕЙЛОК. Пусть на меня падут мои дела!
 Я жду суда, расплаты, неустойки.
ПОРЦИЯ. Но он деньгами может уплатить.
БАССАНИО. Да хоть сейчас. А вот двойная сумма,
 А если не устроит — я могу
 Дать больше неустойки в десять раз,
 Поставив на кон, руки, сердце, душу.
 А этого не хватит — значит, злом
 Добро убито. Я молю подмять
 Закон хотя б однажды вашей волей
 На благо всем: единственным грешком
 Упрямство черта этого сломить.
ПОРЦИЯ. Так не пойдет. В Венеции никто
 Не властен отменять ее декреты.
 Примером был бы прецедент такой
 Для массы прочих злоупотреблений
 В стране у вас. Нет, это невозможно.
ШЕЙЛОК. Вот Даниил! Вот юный Даниил!
 Мое почтение, судья премудрый!
ПОРЦИЯ. Дай на расписку мне взглянуть.
ШЕЙЛОК. Смотрите,
 Достопочтенный доктор. Вот она.
ПОРЦИЯ. Тебе дают ведь, Шейлок, втрое больше.
ШЕЙЛОК. А мой обет? Обет мой перед небом?
 Обет нарушив, душу погубить?
 Венеции не хватит...
ПОРЦИЯ. Значит, так:
 Указана в бумаге неустойка,
 И жид имеет право по закону
 Отрезать у купца в районе сердца
 Фунт мяса. — Втрое больше получи —
 Из милости — и вексель дай порвать.
ШЕЙЛОК. Когда все получу я по просрочке.
 Доказано, что вы — судья достойный,
 Законы знаете, вы их опора
 И, заключение огласив свое,
 Вы по закону вынести должны
 Вердикт ваш. Я прошу. Меня не сможет
 Сбить с этой точки ни один оратор,
 Клянусь душой. Мне вексель мой дороже.

АНТОНИО. Судья, вердикт мне объявить молю
Всем сердцем.

ПОРЦИЯ. Если так, то он готов:

Должны вы грудь открыть его ножу.

ШЕЙЛОК. О, славный отрок! О, судья благой!

ПОРЦИЯ. По сути и по букве уложенья

Берется в полной мере неустойка,

Как сказано в расписке долговой.

ШЕЙЛОК. Все так, судья правдивый и премудрый!

Твой вид моложе зрелости твоей.

ПОРЦИЯ. Тогда откройте грудь.

ШЕЙЛОК. Да, пусть откроет.

Как в векселе стоит: «В районе сердца?»

Ведь правда же, судья мой благородный?

ПОРЦИЯ. Все правильно. Но как же мяса фунт

Ты взвесишь?

ШЕЙЛОК. На весах. Они со мной.

ПОРЦИЯ. А о хирурге, Шейлок, ты подумал?

Ответчик кровью насмерть изойдет.

ШЕЙЛОК. А что об этом вексель говорит?

ПОРЦИЯ. Не вексель, — милосердие твое

Тебе должно об этом рассказать.

ШЕЙЛОК. Оно молчит. И в векселе ни слова.

ПОРЦИЯ. Купец, а ты что скажешь напоследок?

АНТОНИО. Немного. Я не дрогну. Я готов.

Бассанио, прощай. И дай мне руку.

Хотя я гибну по твоей вине,

Не плачь. Судьба ко мне благоволит

И не сулит морщин и тусклых взоров,

И долгой тягостной епитимьи —

Взирать на старость нищую свою,

Когда б я, как другие бедолаги,

При жизни состояния утратил.

Твоей супруге честной — мой поклон.

Скажи ей, как Антонио погиб,

Как жил достойно, как любил тебя,

И пусть она, узнав про все, рассудит,

Кто для тебя надежней другом был.

И не вини себя в его уходе,

Как он тебя за долг твой не винит,

Готовый, если жид загонит нож

Поглубже, даже сердцем расплатиться.

БАССАНИО. Антонио, я только что женился

Не смей пролить, и ровно фунт отрежь,
Не больше и не меньше. Ты не можешь
Ни скрупулом ничтожным, ни его
Двадцатой долей преуменьшить вес
Или превысить. Если отклонятся
Весы твои хотя б на волосок,
То ты умрешь, и будет по закону
Изъято все имущество твое.

ГРАЦИАНО. Вот Даниил! Вот новый Даниил!

Что, жид? Попался, нехристь, в свой капкан!

ПОРЦИЯ. Чего ты ждешь, еврей? Вот неустойка.

ШЕЙЛОК. Мне долг верните мой и отпустите.

ГРАЦИАНО. Пожалуйста. Бери свои дукаты.

ПОРЦИЯ. От них он отказался, а себе

Одну лишь неустойку отсудил.

ГРАЦИАНО. Вот Даниил! Нет — новый Даниил!

Тебе спасибо, жид, за это слово.

ШЕЙЛОК. Мне долг и без процентов не вернут?

ПОРЦИЯ. Нет. Если не боишься, то возьми

Лишь неустойку. Больше ничего.

ШЕЙЛОК. Тогда к чертям ее! Здесь находится

Мне больше нет нужды.

ПОРЦИЯ. Еврей, стой!

К тебе возникло дело у суда.

Закон Венеции предполагает,

Что если вдруг не гражданин ее

Замыслит гражданина погубить, —

Хоть косвенно, хоть прямо, — он преступник;

Тому же, на кого он покушался,

Обязан он отдать полсостоянья,

А половину передать в казну;

А чтоб в живых остаться, уповать

На милосердье герцога — и только.

Вот что тебе грозит. И ход процесса

Всем показал, что косвенно и прямо

На жизнь ответчика ты посягал,

А значит, как уже я говорил,

Навлек на голову свою опасность,

И должен будешь герцога молить

Коленопреклоненно о пощаде.

ГРАЦИАНО. Моли, чтоб удавиться разрешил,

И денег на веревку попроси:

Теперь ты нищий, а тебе подобных

Обычно вешают за счет казны.

Антонио, благодарить милорда
Вам стоит: вы обязаны ему.

(ГЕРЦОГ и СВИТА *уходят.*)

БАССАНИО. Достойный сэр, сегодня ваша мудрость
От векселя жестокого спасла
Меня и друга. Платой за труды
Прошу принять три тысячи дукатов,
Которые еврею назначались.

АНТОНИО. И все-таки в долгу у вас остаться
И вас любить и вам всю жизнь служить.

ПОРЦИЯ. Тот плату получил, кто стал счастливым,
А я счастливым стал, спасая вас,
И значит, вы мне щедро заплатили:
Мой разум выгоды иной не знает.
При встрече от меня не отвернитесь.
Всего вам доброго. А мне пора.

БАССАНИО. Но я вас настоятельно прошу
Принять от нас хоть что-нибудь на память:
Подарок вместе платы. Согласитесь
Меня простить и мне не отказать.

ПОРЦИЯ. Я уступлю настойчивости вашей.
Перчатки дайте в знак любви. И перстень.
Я буду их носить из дружбы к вам.
Не прячьте руку. Не возьму другого.
Не откажите из любви ко мне.

БАССАНИО. Мой перстень, сэр? Таковую безделушку?
Мне будет стыдно это вам дарить.

ПОРЦИЯ. Мне захотелось именно кольцо.
А если нет, то ничего не надо.

БАССАНИО. Мне дорого оно, но не ценой.
Всех на ноги в Венеции поставлю,
Но самый дорогой найду вам перстень.
А этот не отдам, не обессудьте.

ПОРЦИЯ. Я вижу, вы горазды обещать.
Сперва просить учили и, похоже,
Научите, как нищим отвечать.

БАССАНИО. Кольцо моя жена мне подарила,
Заставив дать обет, что я его
Снимать, дарить или продавать не буду.

ПОРЦИЯ. Удобная мужская отговорка,
Чтоб не дарить. Узнай супруга ваша,

Чем заслужил я перстень, то она
Не стала б, если не глупа, бранить вас
За этот дар. Пока. Живите с миром.

(ПОРЦИЯ и НЕРИССА уходят.)

АНТОНИО. Другище, подари ему кольцо.

Пускай моя любовь с его заслугой
Преодолеют заповедь жены.

БАССАНИО. Отдай ему мой перстень, Грациано,

И, если сможешь, пригласи его
К Антонио. Скорей! Беги за ним!

(ГРАЦИАНО уходит.)

И нам пора направиться к тебе.

А завтра мы с тобою подадимся

С утра в Бельмонт. Антонио, идем.

(Уходят.)

Сцена вторая

Там же. Улица.

Входят ПОРЦИЯ и НЕРИССА.

ПОРЦИЯ. Узнай, где дом жида, отдай бумаги —

Подпишет пусть. А вечером — домой;

Обрадуем Лоренцо завещаньем,

Опередив мужей почти на сутки.

Входит ГРАЦИАНО.

ГРАЦИАНО. Я рад, что вас настиг. Слегка размыслив,

Милорд Бассанио передает

Кольцо вам, умоляя отобедать

С ним вместе.

ПОРЦИЯ.

Не получится, увы.

А перстень рад принять я. Так ему
И передайте. Покажите, кстати,
Дом Шейлока мальчишке моему.
ГРАЦИАНО. Всенепременно.
НЕРИССА. Сэр, на пару слов.

(*Тихо*, ПОРЦИИ.)

Поклялся муж носить кольцо до смерти.
Смогу ль его я выпросить, не знаю.
ПОРЦИЯ (*тихо*, НЕРИССЕ).
Конечно, да. И мы услышим клятвы,
Что наши кольца отданы мужчинам.
А мы сконфузим наших муженьков
И все обеты их переобетим.

(*Вслух*.)

Ступай. Я буду ждать в известном месте.
НЕРИССА (*к* ГРАЦИАНО). Пойдемте, сэр, покажете мне дом.

(*Уходят*.)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Бельмонт. Аллея перед домом Порции.

Входят ЛОРЕНЦО и ДЖЕССИКА.

ЛОРЕНЦО. Луна сияет ярко. В ночь такую,
Когда мешал деревьям легкий ветер
Шуметь, целуя их, — в такую ночь
Троил, на стенах Трои находясь,
Душой Крессиду милую искал
Средь греческих шатров...

ДЖЕССИКА. В такую ночь
Ступая боязливо по росе

И устращась — не льва, но тени львиной —
Бежала Фисба прочь...

ЛОРЕНЦО. В такую ночь
Любимого вернуться в Карфаген
Дидона веткой ивы призывала,
Над бурной бездной встав.

ДЖЕССИКА. В такую ночь
Медея, чтоб омолодить Эзона,
Рвала дурман-траву...

ЛОРЕНЦО. В такую ночь
С дружком никчемным Джессика тайком
Сбежала из Венеции в Бельмонт
От папочки-жида...

ДЖЕССИКА. В такую ночь
Опутал душу ей Лоренцо юный
Бессчетными обетами любить —
И это был обман...

ЛОРЕНЦО. В такую ночь
Бранит зазря сварливая девчонка
Любимого, а он ее прощает.

ДЖЕССИКА. Будь мы одни, таких ночей побольше
Припомнила бы я. Но к нам идут.

Входит СТЕФАНО.

ЛОРЕНЦО. Кто там в безмолвной тьме?

СТЕФАНО. Свои!

ЛОРЕНЦО. Свои?

Как вас зовут, свои?

СТЕФАНО. Стефано, сэр.
Есть весточка для вас. Моя хозяйка
В Бельмонт вернется утром. А сейчас
Тихонько бродит у святых крестов
И молит их, вставая на колени,
О счастье в браке.

ЛОРЕНЦО. Кто при ней сейчас?

СТЕФАНО. Никто. Святой отец и камеристка.

Не скажете ль, хозяин мой вернулся?

ЛОРЕНЦО. Нет, мы о нем не знаем ничего. —
Нам надо срочно, Джессика, с тобой
Готовиться к блестящему приему
Хозяйки дома этого. Пойдем.

Входит ЛАНЧЕЛОТ.

ЛАНЧЕЛОТ. Ого-го-го, эгей, ого-го-го!

ЛОРЕНЦО. Кто разорался там?

ЛАНЧЕЛОТ. Ого-го-го!

Где господин Лоренцо? Где Лоренцо?

Эге-ге-гей!

ЛОРЕНЦО. Прекрати вопить, болван! Он здесь.

ЛАНЧЕЛОТ. Ого-го-го? Где-где?

ЛОРЕНЦО. Да здесь он.

ЛАНЧЕЛОТ. Тогда передайте ему, что мой хозяин прислал гонца, чей рог набит хорошими вестями. Сам хозяин будет с утра пораньше. (*Уходит.*)

ЛОРЕНЦО. Родная, подождем хозяев в доме.

Хотя зачем нам дом? — Стефано, друг,

Скажи домашним, что хозяйка будет

С минуты на минуту, и вели

Из дома музыкантам выйти в сад.

(СТЕФАНО *уходит.*)

Как сладко на земле спит лунный свет!

Присядем здесь и музыке позволим

Вползти нам в уши: ночь и тишина

Для ласковых созвучий рождены.

Глянь, Джессика: усыпан небосвод

Блестящим золотом, и не найдешь

Малейшей искры, чтоб та, кружась,

Не пела, словно ангел, вместе с хором

Небесным херувимов юнооких.

Но нам, сквозь наши бранные покровы,

Не услышать гармонии вселенской,

Которая живет в бессмертных душах.

Входят МУЗЫКАНТЫ.

Играйте гимн, чтоб разбудить Диану!

Домой хозяйку музыкой верните,

Звучаньем нежным в слух войдите к ней.

Музыка.

ДЖЕССИКА. От сладких песен я всегда тоскую.

ЛОРЕНЦО. А это значит, дух отзывчив твой.

Представь табун коней неукротенных

Иль диких жеребят, которым кровь
Горячая пускаться вскачь велит.
Но стоит чутким ухом услышать
Им звук трубы иль музыку иную,
То власть ее безгневная принудит
Коней, как вкопанных, остановиться
И дикий взор их в смиренный превратит.
Вот и поэты верят, что Орфей
Вселял покой в ручьи, леса и горы.
Жестокий нором грубого скота
На миг хотя бы музыка меняет.
А кто в себе не чувствует ее,
В ком не живет аккордов нежный строй,
Способен изменить, украсть, убить.
Движения его души и чувства
Чернее ночи и мрачней Эреба.
Не верь такому. — Слушай эти звуки.

Входят ПОРЦИЯ и НЕРИССА. Стоят неподалеку.

ПОРЦИЯ. Смотри, в гостиной свет. Свеча бросает
Так далеко лучи, как в мире злом
Сияет добротой благое дело.

НЕРИССА. Однако при луне свечи не видно.

ПОРЦИЯ. Большим триумфом малый затемнен.

Без короля сияет королем
Наместник, но теряется, как речка,
Во время наводнения, когда
Король на месте. — Музыку послушай!

НЕРИССА. Она, мадам, играет в доме вашем.

ПОРЦИЯ. И сладостней, чем днем. Не все прекрасно,
Как видно, без условий подходящих.

НЕРИССА. И это, безусловно, тишина.

ПОРЦИЯ. Ворона пеньем с жаворонком схожа,

Когда нам все равно. Я полагаю,
И соловей при гоготе гусином
Считался бы певцом не лучше сойки.
Немало есть вещей, что в нужный час
Становятся ценны и безупречны.
Но тише! А не то луну разбудим,
Что спит в объятиях Эндимиона.

Музыка затихает.

ЛОРЕНЦО. Похоже, если это не ошибка,
Я слышу Порцию.

ПОРЦИЯ. Мой грубый голос
Он, как слепец — кукушку, опознал.

ЛОРЕНЦО. Мадам, добро пожаловать домой!

ПОРЦИЯ. Молились мы о здравии мужей,
Надеясь, что не зря о них молились.
Они вернулись?

ЛОРЕНЦО. Нет пока, мадам.
Но был от них гонец, предвозвестивший
Их скорое прибытие.

ПОРЦИЯ. Нерисса,
Вели моим домашним, чтоб ни слова
Не говорили об отъезде нашем.
И вы, Лоренцо; Джессика, и вы.

Звучат трубы.

ЛОРЕНЦО. Мадам, не бойтесь: рта мы не раскроем.
А вот и ваш супруг. Я слышу трубы.

ПОРЦИЯ. Похожа ночь на захворавший день,
Когда он лишь слегка бледнее ночи,
А солнце в день такой за тучей скрыто.

Входят БАССАНИО, АНТОНИО, ГРАЦИАНО *и* СВИТА.

БАССАНИО. Мы, верно, антиподы, если вы
Сияете, как солнце, в этот час.

ПОРЦИЯ. Пусть я сияю, но сиять для всех
Жена не может, засияв для мужа.
Так будет и с Бассанио. Но Бог
Судьей нам будет! Здравствуйте, милорд.

БАССАНИО. Привет, мадам. А друга моего,
Антонио, с кем я навеки связан,
Прошу принять с радушием особым.

ПОРЦИЯ. Вы быть должны привязаны к нему,
Ведь он для вас невесть во что ввязался.

АНТОНИО. Нисколько, мы с Бассанио в расчете.

ПОРЦИЯ. Прошу вас, сэр, пожаловать в наш дом.
К чему пускать любезности на ветер?
Гостеприимство наше не в словах.

ГРАЦИАНО (НЕРИССЕ).

Клянусь луной, ты делаешь мне больно.

Кольцо я отдал писарю судьи.
Да пусть кастратом станет тот писец
За то, что ты расстроилась вконец!
ПОРЦИЯ. А вот и ссора! Быстро. В чем же дело?
ГРАЦИАНО. В безделице, в окружье золотом,
В подаренном мне ею перстеньке,
На коем был девиз, как на кинжале:
«Меня люби и не теряй меня».
НЕРИССА. При чем безделка тут? При чем девиз?
Ты клялся мне кольца не отдавать,
Носить его по самый смертный час
И унести его с собой в могилу,
Храня его — отнюдь не для меня, —
Но ради клятв неистовых своих.
Отдал писцу судьи! Судья мне Бог,
Писец навек останется безусым.
ГРАЦИАНО. Как возмужает — так усы отпустит.
НЕРИССА. А женщина в мужчину превратится.
ГРАЦИАНО. Клянусь рукою, это был юнец,
Почти мальчишка, маленький, как ты.
И этот жалкий недомерок клянчил
Себе твое кольцо как гонорар.
Я не давал, но отказать не смог.
ПОРЦИЯ. Сказать по правде, стыдно поступать
Вам так с женой, ведь первый дар ее
Врасти был должен в палец, на который
Надет был вами с клятвой век любить.
И я дала любимому кольцо,
С него взяв клятву с ним не расставаться.
Клянусь, не хватит всех сокровищ мира,
Чтоб с пальца муж мой снял мое кольцо.
Поверьте, Грациано, вы жену
Обидели жестоко. Я такого
Злодейства бы не вынесла от мужа.
БАССАНИО (*в сторону*). Отсечь бы руку — я б тогда поклялся,
Что перстень свой в сражение потерял.
ГРАЦИАНО. Бассанио кольцо отдал судье,
А я — писцу судьи по их же просьбе:
Один судил, другой писал бумаги,
И оба заслужили гонорар:
И ни на что они не соглашались,
На кольца наши лишь.

ПОРЦИЯ. Милорд, надеюсь,
Речь не о том кольце, что я дарила?

БАССАНИО. Сказал бы «Нет» я, если б захотел
Усилить грех свой ложью. Но на пальце
Кольца, как видишь, нет. Его я отдал.

ПОРЦИЯ. Царит измена в вашем лживом сердце.
Клянусь, не лягу вами я, пока
Кольца не будет.

НЕРИССА (ГРАЦИАНО). И пока свое
Я не увижу, я с тобой не лягу.

БАССАНИО. Когда бы ты, любимая, узнала,
Кому я подарил твое кольцо,
За что я подарил твое кольцо
Зачем я подарил твое кольцо,
С каким трудом дарил твое кольцо,
А брали только лишь твое кольцо, —
Тогда бы ты сменила гнев на милость.

ПОРЦИЯ. А если б ты ценил мое кольцо,
И ту, что отдала свое кольцо,
И честь, велевшую хранить кольцо,
Тогда б не отдал ты мое кольцо.
Кто проявил бы глупость и нахальство,
Чтоб вашу вещь — знак брака и любви —
Потребовать, когда б вы, защищая
Мое кольцо, стояли насмерть. Нет,
Права Нерисса: жизнью поручусь,
Ты отдал женщине мое кольцо.

БАССАНИО. Клянусь, мадам, и честью, и душой,
Не женщине, а доктору, юристу.
Три тысячи дукатов он не взял,
Просил кольцо и, раздражен отказом,
Откланялся. А он на самом деле
От смерти друга спас. Что мне сказать,
Любимая? Что стало стыдно мне?
Что я, в плену учтивости и чести,
Неблагодарностью не пожелав
Позорить сердце, сам себя заставил
За доктором послать? Прости, родная,
Клянусь благими светочами ночи,
Будь на суде ты, доктору тому
Сама бы отдала свое кольцо.

ПОРЦИЯ. Вы б доктора, отдав ему кольцо,
Что вы беречь клялись, не подпускали

К моим покоем, ибо я к нему
Великодушна буду вам под стать
И не посмею отказать ни в чем
Ни телом, ни супружеской постелью.
Предупреждаю вас: я буду с ним,
Ночуйте дома, бдите, словно Аргус, —
Чуть отвернетесь — доктор тут как тут.
Клянусь вам честью — все еще моей, —
Я знаю, чем в постели с ним заняться.

НЕРИССА. А я — с писцом, поэтому прикинь,
Как ты за мною будешь наблюдать.

ГРАЦИАНО. Когда с писцом я встречусь наяву,
То все перо ему я оторву.

АНТОНИО. Вы ссоритесь, увы, из-за меня.

ПОРЦИЯ. Грустить не надо: все-таки вы — гость.

БАССАНИО. Случайный грех мне, Порция, прости.
В компании друзей клянусь твоими
Глазами несравненными, в которых
Себя я вижу...

ПОРЦИЯ. Ничего себе!
Удвоен ты в моих глазах, двулик
И клятвою двуликою клянешься.
Прикажешь верить?

БАССАНИО. Порция, послушай.
Прости меня, и я грех вероломства
Отныне никогда не совершу.
Клянусь душой!

АНТОНИО. Себя я заложил
Ему во благо. Если бы не тот,
Кому дано кольцо, я бы погиб.
Ручаюсь, ваш супруг ни разу больше
Намеренно обета не нарушит.

ПОРЦИЯ. Раз вы ему порукой, пусть вот это

(Дает кольцо АНТОНИО.)

Теперь он пуще глаза бережет.

АНТОНИО. Бассанио, бери, клянись беречь.

БАССАНИО. О небо! То кольцо, что взял юрист!

ПОРЦИЯ. Он мне кольцо, Бассанио, вернул.

Прости, но мне пришлось с ним переспать.

НЕРИССА. И ты прости, достойный Грациано,

Что я с писцом, мальчишкой-недомерком,
Намедни за кольцо переспала.

ГРАЦИАНО. Но летнею порой дорог не чинят,
Когда они не требуют ремонта.

А мы уже рогаты — но за что?!

ПОРЦИЯ. Хоть вы удивлены, грубить не стоит.
Письмо вам покажу от падуанца
Белларио — прочтите на досуге.
В суде мы были: Порция — судьей,
Писцом — Нерисса. Подтверди, Лоренцо,
Что вслед за вами выехали мы
И, только что вернувшись, даже в дом
Не заходили. — И для вас есть новость,
Антонио, какой не ждали вы.
Все хорошо. Из этого письма,
Неважно, по случайности какой
Попавшее ко мне, вам станет ясно,
Что прибыли домой с богатым грузом
Три ваших корабля.

АНТОНИО. Где взять слова...

БАССАНИО. Судьею ты была — а я был слеп?

ГРАЦИАНО. Выходит, мне рога писец навесил?

НЕРИССА. Да, но писец на это не способен,

Пока в мужчину он не превратится.

БАССАНИО. Судья мой милый, спи всю жизнь со мной,

А если отлучусь, — с моей женой.

АНТОНИО. Миледи, жизнь мою и средства жить

Вы мне вернули. Сказано в письме,

Что корабли действительно вернулись.

ПОРЦИЯ. И вас кой-чем обрадует, Лоренцо,

Писец мой.

НЕРИССА. Верно. И без всякой мзды.

Вам с Джессикой я делаю подарок:

По завещанью жид в свой смертный час

Вам должен отказать весь капитал.

ЛОРЕНЦО. Народ голодный манною небесной

Осыпали вы, леди.

ПОРЦИЯ. Вот и утро.

Но вы, похоже, не совсем довольны

Неполнотой рассказа. В дом войдите

И учините нам допрос пристрастный,

И правду вы услышите от нас.

ГРАЦИАНО. Нерисса, я хочу начать допрос.

Ответ, как под присягою, всерьез:
Пойдешь ты длить всю эту канитель
Или на пару часиков в постель?
Жаль, что не ночь, сейчас, не то вдвоем
Мы дольше ночевали бы с писцом.
Но главное на жизненном пути —
Нериссино кольцо мне соблюсти.

(Уходят.)

12 июня 2006 — 25 августа 2016

